

КонсультантПлюс

Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014

"Дело "Общественная организация "Центр правовых ресурсов" в интересах Валентина Кэмпейну (Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Campeanu) против Румынии" (жалоба N 47848/08)

По делу обжалуются незаконное лишение жизни в результате совокупности действий и бездействия со стороны государственных учреждений, серьезные недостатки в уходе и лечении, условия проживания в нейропсихиатрической больнице, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. По делу допущены нарушения требований статей 2 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Документ предоставлен **КонсультантПлюс**

www.consultant.ru

Дата сохранения: 28.03.2022

Источник публикации

"Прецеденты Европейского Суда по правам человека", 2017, N 12

Примечание к документу**Название документа**

Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014

"Дело "Общественная организация "Центр правовых ресурсов" в интересах Валентина Кэмпееану (Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Campeanu) против Румынии" (жалоба N 47848/08)
По делу обжалуются незаконное лишение жизни в результате совокупности действий и бездействия со стороны государственных учреждений, серьезные недостатки в уходе и лечении, условия проживания в нейропсихиатрической больнице, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. По делу допущены нарушения требований статей 2 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

[неофициальный перевод] <1>

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО "ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ "ЦЕНТР ПРАВОВЫХ РЕСУРСОВ" В ИНТЕРЕСАХ ВАЛЕНТИНА КЭМПЕАНУ (CENTRE FOR LEGAL RESOURCES ON BEHALF OF VALENTIN Câmpeanu) ПРОТИВ РУМЫНИИ" <1>

(Жалоба N 47848/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ <2>

(Страсбург, 17 июля 2014 года)

<1> Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

<2> Настоящее Постановление вступило в силу 17 июля 2014 г. в соответствии с положениями [пункта 1 статьи 44](#) Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Общественная организация "Центр правовых ресурсов" в интересах Валентина Кэмпеану против Румынии" Европейский Суд, заседая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, Председателя Большой Палаты,

Гвидо Раймонди,

Инеты Зиемеле,

Изабель Берро,

Альвины Гюлумян,

Давида Тора Бьергвинссона,

Яна Шикуты,

Пяиви Хирвеля,

Луиса Лопеса Герра,

Леди Бианку,

Ноны Цоцории,

Кристины Пардалос,

Винсента А. де Гаэтано,

Ангелики Нуссбергер,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Пола Махони,

Йоханнеса Силвиса, судей,

а также при участии Майкла О'Бойла, заместителя Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 4 сентября 2013 г. и 26 мая 2014 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой N 47848/08, поданной против Румынии в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со [статьей 34](#) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) общественной неправительственной организацией Румынии "Центр правовых ресурсов" (далее - Центр) в интересах Валентина Кэмпеану 2 октября 2008 г.

2. Интересы организации "Интерайтс" (Interights), действовавшей до 27 мая 2014 г. в качестве консультанта Центра, были представлены К. Кожокариу (С. Cojocariu), адвокатом, практикующим в г. Лондоне. Власти Румынии были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде К. Брумар (К. Brumar), сотрудницей Министерства иностранных дел.

3. В интересах Валентина Кэмпеану Центр утверждал, что Кэмпеану стал жертвой нарушений [статей 2, 3, 5, 8, 13 и 14](#) Конвенции.

4. 7 июня 2011 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Румынии. В соответствии с [пунктом 1 статьи 29](#) Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

5. Комментарии третьих сторон были получены от "Хьюман райтс уотч" (Human Rights Watch), Еврорегионального центра публичных инициатив (Euroregional Center for Public Initiatives), Болгарского Хельсинкского комитета (Bulgarian Helsinki Committee) и Центра защиты прав лиц с нарушениями психического здоровья (Mental Disability Advocacy Center), неправительственных организаций (далее - НПО), которым Председатель Секции Суда разрешил принять участие в разбирательстве ([пункт 2 статьи 36](#) Конвенции и [пункт 3 правила 44](#) Регламента Суда). Комиссар по правам человека Совета Европы использовал свое право вступления в разбирательство и представил письменные комментарии ([пункт 3 статьи 36](#) Конвенции и [пункт 2 правила 44](#) Регламента Суда).

Власти Румынии ответили на эти комментарии ([пункт 5 правила 44](#) Регламента Суда).

6. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 4 сентября 2013 г. ([пункт 3 правила 59](#) Регламента Суда).

В Европейский Суд явились:

(a) со стороны властей Румынии:

К. Брумар, Уполномоченный Румынии при Европейском Суде,

Г. Каян (G. Caian), адвокат,

Д. Думитраке (D. Dumitrache), соуполномоченный;

(b) со стороны Центра:

Г. Йоргулеску (G. Iorgulescu), исполнительный директор Центра,

Г. Паску (G. Pascu), управляющий программой Центра,

К. Кожокариу, адвокат, "Интерайтс", юрисконсульт;

(c) со стороны Комиссара по правам человека Совета Европы:

Н. Мужниекс (N. *Muižnieks*), Комиссар по правам человека Совета Европы,

И. Гаше (I. Gachet), директор офиса Комиссара по правам человека,

А. Вебер (A. Weber), советник офиса Комиссара по правам человека.

Европейский Суд заслушал выступления Брумар, Каяна, Кожокариу, Йоргулеску и Мужниекса. Участники слушаний Брумар, Кожокариу и Йоргулеску ответили на вопросы, поставленные Европейским Судом.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

A. Смерть Валентина Кэмпеану

1. Фактическая основа дела

7. Валентин Кэмпеану, цыган по национальности, родился 15 сентября 1985 г. Его отец неизвестен, а его мать, Флорика Кэмпеану, скончавшаяся в 2001 году, оставила его при рождении. В связи с этим Кэмпеану был помещен в детский дом, центр Корлате (Corlate Centre), где он и вырос.

В 1990 году у Кэмпеану был диагностирован ВИЧ. Позднее ему был поставлен диагноз "тяжелая умственная отсталость, IQ 30 и ВИЧ", и он был, соответственно, отнесен к группе лиц с "тяжелой" инвалидностью. В то же время у него также появились сопутствующие болезни, такие как туберкулез легких, пневмония и хронический гепатит.

В марте 1992 года он был переведен в Крайовский центр для детей-инвалидов (Craiova Centre for Disabled Children), а затем в Крайовский центр размещения N 7 (Kraiova Placement Centre) (далее - центр размещения).

2. Экспертизы в 2003 и 2004 годах

8. 30 сентября 2003 г. Должский окружной комитет защиты детей (Dolj County Child Protection Panel) (далее - Комитет) пришел к заключению, что Кэмпеану более не нуждается в опеке государства. Решение было обосновано тем, что Кэмпеану недавно исполнилось 18 лет и он не получал образования в какой-либо форме.

Хотя социальный работник, прикрепленный к Кэмпеану, рекомендовал перевести его в местный нейропсихологический центр восстановления и реабилитации, Комитет распорядился о переводе Кэмпеану в нейропсихиатрическую больницу Пояна-Маре (Poiana Mare Neuropsychiatric Hospital) (далее - РМН). В соответствии с применимым законодательством решение могло быть обжаловано в Крайовский суд первой инстанции.

Кэмпеану не присутствовал лично и не был представлен на слушании в Комитете.

9. 14 октября 2003 г. медицинско-экспертная комиссия по инвалидности взрослых лиц Должского окружного совета рассмотрела состояние здоровья Кэмпеану. Экспертиза сделала единственный вывод о наличии ВИЧ-инфекции, соответствующей "средней" группе инвалидности. Также отмечалось, что пациент являлся "социально интегрированным" лицом.

10. Впоследствии, в неуставленную дату в октябре или ноябре 2003 года, социальный работник и врач центра размещения провели медико-социальную экспертизу Кэмпеану, что являлось условием для его перевода в центр медико-социального ухода. В графе "Представитель" они указали "брошен при рождении", а графа "Контактное лицо в случае чрезвычайной ситуации" была оставлена незаполненной. Диагноз был указан как "сильная умственная отсталость, ВИЧ-положителен", в отсутствие ссылок на предыдущий диагноз (см. § 9 настоящего Постановления). В заключение экспертизы было включено следующее указание: "требуется наблюдения и периодической помощи с личным уходом", и делался вывод о том, что Кэмпеану мог заботиться о себе, но в то же время нуждался в существенной поддержке.

11. Письмом от 16 октября 2003 г. РМН информировала Комитет о том, что она не может принять Кэмпеану, у которого диагностировали ВИЧ и умственную отсталость, поскольку в больнице отсутствовали возможности для лечения лиц с подобными диагнозами.

12. После этого отказа в октябре 2003 года - январе 2004 года Комитет и окружной Департамент защиты прав ребенка (далее - Департамент защиты детей) связались с рядом учреждений и просили о содействии в поиске учреждения социальной защиты или психиатрии, которое согласилось бы принять Кэмпеану. Указав, что РМН отказалась принять пациента, поскольку у него выявлен ВИЧ, Департамент защиты детей просил о сотрудничестве заинтересованные учреждения, упомянув, что состояние Кэмпеану "требуется не госпитализации, а скорее, постоянного наблюдения в специализированном учреждении".

3. Перевод в центр медико-социальной помощи Четате-Долж (Cetate-Dolj Medical and Social Care Centre)

13. Комитет в итоге определил центр медико-социальной помощи Четате-Долж (далее - CMSC) в качестве подходящего учреждения, куда мог быть помещен Валентин Кэмпеану. В своем обращении в CMSC Комитет упомянул лишь, что Кэмпеану являлся ВИЧ-положительным лицом, что соответствовало средней группе инвалидности, без указания на его трудности в обучении.

14. 5 февраля 2004 г. Кэмпеану поступил в CMSC. Согласно составленному CMSC и направленному в Центр 5 марта 2004 г. заключению относительно его состояния при поступлении Кэмпеану находился в состоянии прогрессирующей "психиатрической и физической деградации", был одет в порванный спортивный костюм, был без белья или обуви, не имел при себе антиретровирусных средств или информации по поводу его медицинского состояния. Отмечалось, что пациент "отказался от сотрудничества".

В своем объяснении прокурору от 22 июля 2004 г. в контексте внутригосударственного разбирательства (описанного далее в разделе "B") M.V., врач, которая лечила Кэмпеану в центре размещения, объяснила непредоставление необходимых лекарств или информации тем, что она не знала, потребуется ли по результатам последних исследований (см. § 9 настоящего Постановления) изменение в его лечении.

Медицинское обследование, проведенное при поступлении Кэмпеану в CMSC, заключило, что он страдал от "тяжелой умственной отсталости, ВИЧ-инфекции и истощения". В то время у него был рост 168 см и он весил 45 кг. Отмечалось, что "заявитель не мог ориентироваться во времени и пространстве, не мог самостоятельно есть и поддерживать свою личную гигиену".

15. Вечером 6 февраля 2004 г. Кэмпеану пришел в возбужденное состояние. Согласно вышеупомянутому заключению CMSC (см. § 14 настоящего Постановления) утром 7 февраля 2004 г. он "стал агрессивным, нападал на других пациентов, разбил окно, порвал матрас, свою одежду и простыни". Ему дали фенобарбитал, а затем диазепам, чтобы его успокоить.

4. Осмотр в РМН

16. 9 февраля 2004 г. Кэмпеану был направлен в РМН для обследования, постановки диагноза и лечения, поскольку эта больница была ближайшим психиатрическим учреждением. У него вновь была диагностирована "тяжелая умственная отсталость". Однако его состояние не было расценено как "психиатрически неотложное", поскольку "он не был возбужден". Врач L.G. диагностировал у него "умственную отсталость средней степени" и назначил ему прием седативных препаратов (карбамазепина и диазепама).

Согласно медицинским документам, хранящимся в РМН, после его поступления в больницу данные об истории болезни Кэмпеану не могли быть получены, поскольку "он не был склонен к сотрудничеству". В объяснениях, данных следственным органам 8 декабря 2005 г., врач D.M. из РМН указала, что "пациент отличался тем, что с ним было невозможно общаться, и он отличался умственной отсталостью".

5. Возвращение заявителя в CMSC

17. В тот же день Кэмпеану был возвращен в CMSC, но его состояние здоровья значительно ухудшилось. К этому времени CMSC получил запас антиретровирусных средств, поэтому его лечение возобновилось. Несмотря на принятые меры, его состояние здоровья не улучшилось, а в его медицинских документах отмечалось, что он продолжал быть "возбужденным" и

"агрессивным".

18. CMSC решил, что в связи с отсутствием возможности для лечения состояния Кэмпеану, не требовалось его дальнейшее нахождение там. Больница направила запрос в центр размещения с просьбой перевести его в другое учреждение. Однако центр размещения отклонил запрос на том основании, что Кэмпеану уже "не относился к его юрисдикции".

19. 11 февраля 2004 г. Е.О., директор CMSC, предположительно обратился в Должский окружной департамент здравоохранения и просил найти решение, позволяющее перевести Кэмпеану в учреждение, которое было более подходящим для решения проблем с его здоровьем. Представляется, что ему было рекомендовано перевести заявителя в РМН на срок от четырех до пяти дней для психиатрического лечения.

6. Перевод заявителя в РМН

20. 13 февраля 2004 г. Кэмпеану был переведен из CMSC в РМН при условии, что его нахождение в РМН продлится три или четыре дня с целью попытки устранения его гиперагрессивного поведения. Он был помещен в психиатрическое отделение V.

21. 15 февраля 2004 г. Кэмпеану был передан под наблюдение врача L.G. В связи с тем, что Кэмпеану являлся ВИЧ-положительным лицом, врач решила перевести его в психиатрическое отделение VI. Она продолжала нести ответственность за его психиатрическое лечение, поскольку в этом отделении были только двое неспециализированных врачей, а психиатры в нем отсутствовали.

22. 19 февраля 2004 г. Кэмпеану перестал принимать пищу и отказался от приема лекарств. Поэтому ему было назначено внутривенное лечение глюкозой и витаминами. После осмотра врача у него было установлено "общее недомогание".

7. Посещение заявителя персоналом Центра

23. 20 февраля 2004 г. группа наблюдателей Центра посетила РМН и отметила состояние Кэмпеану. Согласно информации, включенной в отчет персонала Центра об этом посещении, Кэмпеану находился один в изолированном, неотапливаемом и запертом помещении, где была кровать без постельных принадлежностей. Он был одет лишь в верхнюю часть пижамы. В то время он не мог есть или пользоваться туалетом без посторонней помощи. Однако персонал РМН отказывался ему помогать, предположительно из-за страха заразиться ВИЧ. В связи с этим единственное питание, получаемое Кэмпеану, заключалось в подаче глюкозы через капельницу. В отчете заключалось, что больница не оказывала ему самого основного лечения и не предоставляла услуг по уходу за ним.

Представители Центра утверждали, что они просили немедленно перевести заявителя в инфекционную больницу в Крайове, где он мог получать необходимое лечение. Однако управляющий больницей отклонил запрос, полагая, что у пациента не "неотложный случай, а социальный" и что в любом случае он не выдержит переезда.

24. Валентин Кэмпеану скончался вечером 20 февраля 2004 г. В соответствии со свидетельством о смерти, выданном 23 февраля 2004 г., непосредственной причиной смерти стала сердечно-дыхательная недостаточность. В свидетельстве также указывалось, что ВИЧ-инфекция заявителя была "первоначальным болезненным состоянием", а "умственная

отсталость" отмечалась как "еще одно болезненное состояние".

25. Несмотря на правовые нормы, которые обязывали провести вскрытие, если смерть произошла в психиатрической больнице (совместный приказ N 1134/255/2000 министра юстиции и министра здравоохранения), РМН не провела вскрытие тела, указав, что она "не считает смерть подозрительной ввиду двух серьезных состояний, диагностированных у пациента" (а именно умственной отсталости и ВИЧ-инфекции).

26. Не зная о смерти Кэмпеану, 21 февраля 2004 г. Центр подготовил несколько срочных писем, а затем направил их ряду местных и центральных должностных лиц, включая министра здравоохранения, префекта округа Долж, мэра Пояна-Маре (Poiana Mare) и директора Должского окружного департамента здравоохранения, указав на критическое состояние Кэмпеану и тот факт, что он был переведен в учреждение, неспособное оказать ему необходимую помощь вследствие наличия у него ВИЧ-инфекции. Центр также критиковал неадекватное лечение, которое получал заявитель, и просил принять экстренные меры для исправления ситуации. Он также указал, что поступление Кэмпеану в CMSC и последующий перевод заявителя в РМН нарушали его права человека, и просил провести надлежащее расследование этого вопроса.

22 февраля 2004 г. Центр выпустил пресс-релиз относительно условий содержания и лечения пациентов в РМН, особо сославшись на случай с Кэмпеану и призвав к срочным действиям.

В. Внутригосударственные разбирательства

1. Заявления Центра о возбуждении уголовного дела

27. В письме от 15 июня 2004 г. Генеральному прокурору Румынии Центр просил сообщить о состоянии разбирательства после заявления о возбуждении уголовного дела, которое он подал 23 февраля 2004 г. в связи с обстоятельствами, повлекшими смерть Валентина Кэмпеану. Центр подчеркивал, что Кэмпеану не был помещен в надлежащее медицинское учреждение, чего требовало его медицинское и психическое состояние.

28. В тот же день Центр подал еще два заявления о возбуждении уголовного дела, одно - в прокуратуру при Крайовском суде первой инстанции, другое - в прокуратуру при Крайовском окружном суде. Центр повторил свое требование об уголовном расследовании в связи с обстоятельствами, повлекшими смерть Кэмпеану и сопровождавшими ее, утверждая, что были совершены следующие преступления:

(i) халатность сотрудников Департамента защиты детей и Центра размещения (часть 1 статьи 249 Уголовного кодекса);

(ii) злоупотребление должностным положением и неисполнение обязанностей вопреки интересам лица, подвергающее опасности лицо, неспособное заботиться о себе, со стороны сотрудников CMSC (статьи 246 и 314 Уголовного кодекса);

(iii) причинение смерти по неосторожности или оставление в опасности лица, неспособного заботиться о себе, со стороны сотрудников РМН (часть вторая статьи 178 и статья 314 Уголовного кодекса).

Центр также утверждал, что медико-экспертная комиссия ошибочно установила что

Кэмпеану относится к средней группе инвалидности, вопреки предыдущему и последующему диагнозам (см. § 9 настоящего Постановления). В свою очередь Департамент защиты детей уклонился от возбуждения разбирательства по поводу назначения опекуна, когда Кэмпеану достиг совершеннолетия, в нарушение действующего законодательства.

Кроме того, центр размещения не предоставил требуемых антиретровирусных средств персоналу CMSC, когда Кэмпеану был переведен туда 5 февраля 2004 г., что могло повлечь его смерть двумя неделями позже.

Центр также утверждал, что перевод заявителя из CMSC в РМН был необязательным и противоречащим действующему законодательству. Данная мера была принята без согласия пациента или его представителя, как того требует Закон о правах пациентов (Закон N 46/2003).

Наконец, Центр утверждал, что Кэмпеану не получал в РМН адекватной помощи, лечения или питания.

29. 22 августа 2004 г. Генеральная прокуратура Румынии уведомила Центр о том, что дело было направлено для расследования в прокуратуру при Должском окружном суде.

31 августа 2004 г. прокуратура при Должском окружном суде уведомила Центр, что по его заявлению возбуждено уголовное дело и расследование поручено отделу уголовных расследований при департаменте полиции Должского округа (далее - департамент полиции).

2. Заключение экспертизы

30. 14 сентября 2004 г. по назначению прокуратуры Крайовский институт судебной медицины (Craiova Institute of Forensic Medicine) представил заключение экспертизы. На основании предоставленных медицинских документов в заключении делался следующий вывод:

"Медицинская помощь, назначенная в связи с ВИЧ [пациента] и его психическим состоянием, лечение [являлось] правильным и целесообразным, что касается дозировки, в связи с клиническим и иммунологическим состоянием пациента.

Нельзя установить, действительно ли пациент принимал назначенное лечение, с учетом его прогрессирующим состоянием психосоматической деградации".

31. 22 октября 2004 г. тело Валентина Кэмпеану было эксгумировано для вскрытия. Заключение экспертизы было составлено 2 февраля 2005 г., в нем указывалось, что тело имело развитые признаки кахексии, и отмечалось следующее:

"...смерть не была насильственной. Она была вызвана сердечно-дыхательной недостаточностью, спровоцированной пневмонией, осложнением в связи с развитием ВИЧ-инфекции. При вскрытии признаки насилия не обнаружены".

3. Решения прокуроров

32. 19 июля 2005 г. прокуратура при Должском окружном суде вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, указав, в частности, что согласно представленным доказательствам медицинская помощь, оказанная пациенту, была надлежащей, и что его смерть не была насильственной, а была вызвана осложнением при развитии у Кэмпеану ВИЧ-инфекции.

33. 8 августа 2005 г. Центр обжаловал это постановление главному прокурору прокуратуры при Должском окружном суде, утверждая, в частности, что некоторые его объяснения относительно медицинской помощи, оказанной пациенту, предполагаемого прекращения антиретровирусного лечения и условий проживания в больницах не были рассмотрены.

23 августа 2005 г. главный прокурор удовлетворил жалобу, отменил постановление от 19 июля 2005 г. и распорядился возобновить расследование, чтобы могли быть рассмотрены все аспекты дела. Особые указания были даны относительно определенных медицинских документов, которые требовалось рассмотреть после получения из Крайовской инфекционной больницы, центра размещения, CMSC и РМН. Следовало допросить врачей, лечивших Кэмпану. Вместе с тем было необходимо выяснить обстоятельства, при которых предоставлялось антиретровирусное лечение пациенту во время нахождения в CMSC и РМН, особенно ввиду того, что в медицинских документах РМН не упоминались какие-либо факты в этом отношении.

34. 11 декабря 2006 г. прокуратура при Должском окружном суде решила, что в соответствии с новыми процессуальными нормами она не обладает юрисдикцией для проведения расследования, и поэтому передала дело в прокуратуру при Калафатском суде первой инстанции (Calafat District Court).

4. Дисциплинарное разбирательство

35. 11 января 2006 г. департамент полиции запросил Должскую окружную медицинскую ассоциацию (далее - медицинская ассоциация) о даче заключения относительно того, "был ли [принятый] терапевтический подход правильным с учетом диагноза, [поставленного в заключении о вскрытии], или имеются данные о служебном несоответствии врачей".

20 июля 2006 г. дисциплинарный орган медицинской ассоциации постановил, что отсутствуют основания для принятия дисциплинарных мер против РМН:

"...лечение психотропными средствами, как указывалось в записях общего клинического наблюдения РМН, было надлежащим... [и поэтому]... полученная информация позволяет предположить, что решения врачей были правильными, без подозрений в служебном несоответствии врачей, [возникающих из] неправильного лечения условно-патогенной инфекции, связанной с ВИЧ".

Это решение было оспорено департаментом полиции, но 23 ноября 2006 г. жалоба была отклонена как поданная за пределами срока.

5. Новое решение об отказе от преследования и последующее обжалование

36. 30 марта 2007 г. прокуратура при Калафатском суде первой инстанции вынесла новое решение об отказе от уголовного преследования. Прокурор ссылаясь в мотивировочной части на доказательства, имевшиеся в материалах дела, а также на решение, вынесенное дисциплинарным органом медицинской ассоциации.

37. Центр обжаловал это решение, указав, что большинство указаний, содержащихся в решении главного прокурора от 23 августа 2005 г. (см. § 33 настоящего Постановления), было оставлено без внимания. Жалоба была отклонена главным прокурором прокуратуры при

Калафатском суде первой инстанции 4 июня 2007 г. Краткая мотивировочная часть решения ссылалась на выводы заключения экспертизы от 14 сентября 2004 г. и решение медицинской ассоциации от 20 июля 2006 г.

10 августа 2007 г. Центр оспорил это решение в Калафатском суде первой инстанции.

38. 3 октября 2007 г. Калафатский суд первой инстанции удовлетворил жалобу, отменил решения от 30 марта и 4 июня 2007 г. и обязал возобновить расследование, отметив, что некоторые аспекты смерти Кэмпеану не были рассмотрены, и было необходимо представить дополнительные доказательства.

Калафатский суд первой инстанции, в частности, указал на следующие недостатки: основная часть документов, которая, как считалось, получена в инфекционной больнице Крайовы и центре размещения, в действительности не была приобщена к материалам дела (судебно-медицинские документы, на основе которых Кэмпеану был принят в CMSC и переведен в РМН, клинические и параклинические анализы, протоколы допроса врачей и медсестер, ответственных за оказание помощи Кэмпеану, и руководства тестирования ВИЧ). Противоречия в показаниях лиц, причастных к поступлению Кэмпеану в CMSC, не были объяснены, как и обстоятельства, относящиеся к перерыву его антиретровирусного лечения после его перевода в РМН. Кроме того, не были разъяснены противоречивые утверждения медицинского персонала CMSC и РМН относительно предполагаемого "состояния возбуждения" Кэмпеану.

Следователи также не смогли удостовериться в том, провел ли медицинский персонал РМН необходимые анализы после поступления туда Кэмпеану, и получал ли он антиретровирусные средства или иное подходящее лечение. Следователи не установили происхождение отека, отмеченного на лице и нижних конечностях Кэмпеану, и то, был ли правильным терапевтический подход, принятый в РМН. С учетом данных недостатков запрос заключения медицинской ассоциации был преждевременным, и его следовало подать заново после окончания расследования.

39. Прокуратура при Калафатском суде первой инстанции обжаловала это решение. 4 апреля 2008 г. Должский окружной суд удовлетворил жалобу, отменил решение, вынесенное Калафатским судом первой инстанции, и отклонил жалобу Центра на решение об отказе от преследования от 30 марта 2007 г.

Калафатский суд первой инстанции в основном ссылался на заключение судебной экспертизы и заключение о вскрытии, а также на решение медицинской ассоциации, которые указывали на отсутствие причинно-следственной связи между медицинской помощью, оказанной Кэмпеану, и его смертью.

С. Иные разбирательства, возбужденные Центром

1. Разбирательство относительно Кэмпеану

40. В ответ на жалобы, поданные Центром (см. § 26 настоящего Постановления), 8 марта 2004 г. префект округа Долж создал комиссию с целью проведения расследования обстоятельств, сопровождавших смерть Валентина Кэмпеану. Комиссия была создана из представителей департамента защиты детей, департамента здравоохранения, отдела уголовных расследований департамента полиции и префектуры. Комиссии было отведено 10 дней на проведение расследования и представление доклада о своих выводах.

В докладе комиссии заключалось, что все процедуры, относящиеся к лечению Кэмпеану после его выписки из центра размещения, были законными и обоснованными ввиду его диагноза. Комиссия усмотрела лишь одно нарушение, связанное с тем, что вскрытие не было проведено сразу после смерти Кэмпеану в нарушение действующего законодательства (см. § 25 настоящего Постановления).

41. 26 июня 2004 г. Центр подал жалобу в Национальный орган по защите и усыновлению детей (далее - Национальный орган), в которой критиковались отдельные недостатки относительно прежде всего уклонения от назначения опекуна Кэмпеану и помещения его в надлежащее медицинское учреждение. Центр повторил свою жалобу 4 августа 2004 г., утверждая, что неправомерный перевод Кэмпеану в РМН мог вызвать вопросы с точки зрения подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В ответ на эти утверждения Национальный орган издал сообщение от 21 октября 2004 г. об обстоятельствах, сопровождавших смерть Кэмпеану. Национальный орган признал, что Комитет превысил свои полномочия, когда распорядился о переводе Кэмпеану в РМН. Однако он указал, что в любом случае распоряжение не имело последствий, поскольку это учреждение отказалось принять Кэмпеану (см. § 11 настоящего Постановления).

Внутригосударственный орган заключил, что Департамент защиты детей действовал в соответствии с принципами профессиональной этики и наилучшей практики, когда переводил Кэмпеану в CMSC. В то же время Национальный орган отметил, что он не уполномочен выносить решения по поводу последующего перевода Кэмпеану в РМН.

Аналогичным образом Национальный орган отказался высказать мнение относительно предположительно неправомерного отнесения Кэмпеану к средней группе инвалидности или событий, имевших место после его поступления в CMSC.

42. 24 марта 2004 г. Должский окружной департамент здравоохранения уведомил Центр о том, что комиссия, состоявшая из различных должностных лиц окружного уровня, заключила, что в связи со смертью Кэмпеану права человека не были нарушены, поскольку его последовательные госпитализации были обоснованы статьей 9 Закона N 584/2002 о мерах по предотвращению распространения ВИЧ-инфекции и защиты лиц, инфицированных ВИЧ или страдающих от СПИДа.

2. Разбирательства относительно других пациентов

43. 16 марта 2005 г., после уголовного расследования по поводу смерти 17 пациентов в РМН, Генеральная прокуратура направила письмо в Министерство здравоохранения, потребовав принять определенные административные меры для устранения ситуации в больнице. Отметив, что не усматриваются составы уголовных правонарушений в связи с данными смертями, в письме указывалось на "административные недостатки", выявленные в больнице, и содержалось требование о принятии целесообразных мер по поводу следующих проблем:

"[О]тсутствие отопления в комнатах пациентов, малокалорийная пища, недостаток персонала, неудовлетворительно подготовленного для оказания помощи умственно отсталым пациентам, недостаток эффективных лекарств, крайне ограниченные возможности для проведения параклинических исследований... все эти факторы способствовали распространению инфекционных заболеваний, а также их фатальному развитию..."

44. Решением от 15 июня 2006 г. по поводу заявления о возбуждении уголовного дела, поданного Центром по поручению другого пациента, Р.С., который скончался в РМН, Верховный кассационный суд отклонил возражение прокурора о том, что Центр не имел права участвовать в деле. Верховный кассационный суд отметил, что Центр действительно имел право поддерживать подобные разбирательства для выяснения обстоятельств, при которых 17 пациентов скончались в РМН в январе и феврале 2004 года, с учетом его сферы деятельности и заявленных целей защиты прав человека. Верховный кассационный суд указал следующее:

"Верховный суд полагает, что Центр может рассматриваться как "любое другое лицо, чьи законные интересы затронуты" в значении статьи 278.1 Уголовно-процессуального кодекса. Законность его интереса заключается в запросе Центра об определении и выяснении обстоятельств, повлекших смерть 17 пациентов в РМН в январе и феврале 2004 года, поэтому его цель состоит в защите права на жизнь и запрете пытки и жестокого обращения... путем инициирования официального уголовного расследования, которое было бы эффективным и исчерпывающим, чтобы определить виновных в нарушениях вышеупомянутых прав в соответствии с требованиями [статей 2 и 3](#) Конвенции. [Это также направлено] на повышение осведомленности общества относительно необходимости защиты фундаментальных прав и свобод человека, чтобы обеспечить доступ к правосудию, что соответствует заявленным целям НПО.

Его законный интерес подтверждается инициированием расследований, которые в настоящее время продолжаются.

В то же время возможность подачи Центром жалобы в соответствии со статьей 278.1... представляет собой судебное средство правовой защиты, которое заявитель использовал также в соответствии с положениями [статьи 13](#) Конвенции...".

D. Заключение экспертизы, представленное Центром

45. Центр представил заключение экспертизы, датированное 4 января 2012 г. и составленное доктором Адрианом ван Эсом (Adriaan van Es), членом консультативной экспертной группы и директором Международной федерации здравоохранительных и правозащитных организаций (далее - IFHHRO), при содействии Анки Боэриу (Anca Boeriu), руководителя проекта IFHHRO. Заключение было основано на копиях доказательств, которые Центр представил в Европейский Суд, включая медицинские документы CMSC и РМН.

Заключение экспертизы ссылалось на "очень плохого качества, нестандартные, часто отсутствующие или исчезнувшие" медицинские документы РМН и CMSC, в которых описание клинической ситуации Кэмпеану было "скудным". В нем отмечалось, что в РМН пациент не консультировался у инфекциониста. Также, вопреки законодательству Румынии, сразу после смерти пациента не проводилось вскрытия тела заявителя.

Что касается антиретровирусного лечения, имеющиеся документы не содержат достоверной информации относительно того, осуществлялось ли оно непрерывно. Таким образом, вследствие ненадлежащего лечения Кэмпеану мог столкнуться с рецидивом ВИЧ, а также сопутствующими инфекциями, такими как пневмоцистная пневмония (пневмония, выявленная в заключении вскрытия в качестве причины смерти). В заключении отмечалось, что пневмония не была диагностирована или в связи с ней не осуществлялось лечение во время нахождения пациента в РМН или CMSC, хотя это весьма распространенное заболевание у ВИЧ-пациентов. Общие

лабораторные тесты для наблюдения за ВИЧ-статусом пациента никогда не проводились.

В заключении экспертизы указывалось, что определенные поведенческие признаки, истолкованные как психиатрические расстройства, могли быть вызваны заражением крови.

Таким образом, риски прерванного антиретровирусного лечения, возможность сопутствующих инфекций и история туберкулеза пациента должны были повлечь госпитализацию Кэмпеану в инфекционное отделение общей больницы, а не в психиатрическое учреждение.

46. В заключении делался вывод, что смерть Кэмпеану в РМН являлась следствием "грубой медицинской халатности". Лечение ВИЧ и сопутствующих инфекций не отвечало международным стандартам и медицинской этики, как и консультирование и лечение, предоставленные пациенту в связи с тяжелой умственной отсталостью. Кроме того, дисциплинарное разбирательство в соответствующем органе медицинской ассоциации не отвечало установленным стандартам и было небрежным из-за отсутствия важной медицинской документации.

Е. Предварительная информация относительно медицинских учреждений Четате и Пояна-Маре

1. Нейропсихиатрическая больница Пояна-Маре

47. РМН расположена в округе Долж, в Южной Румынии, в 80 км от Крайовы, на месте бывшей воинской части и занимает площадь в 36 гектаров. РМН может содержать 500 пациентов на добровольной и недобровольной основе, в последнем случае на основании гражданских или уголовных разбирательств. Несколько лет назад больница также имела отделение для пациентов, страдающих туберкулезом. Отделение было переведено в соседний город вследствие давления ряда национальных и международных организаций, включая Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее - ЕКПП).

Во время рассматриваемых событий, а именно в феврале 2004 года, в РМН находились 436 пациентов. Медицинский персонал состоял из пяти психиатров, четырех ординаторов психиатров и шести врачей общей практики.

Согласно докладу ЕКПП за 2004 год (см. § 77 настоящего Постановления) за две последовательных зимы в РМН скончались при подозрительных обстоятельствах 109 пациентов, 81 человек - с января по декабрь 2003 года и 28 - в первые пять месяцев 2004 года. ЕКПП посещал РМН три раза, в 1995, 1999 и 2004 годах. Его последнее посещение было специально направлено на исследование тревожного роста уровня смертности. После каждого посещения ЕКПП издавал весьма критические доклады, указывавшие на "бесчеловечные и унижающие достоинство условия жизни" в РМН.

После посещения нескольких медицинских учреждений, указанных как проблемные в докладах ЕКПП, в том числе РМН, Министерство здравоохранения издало доклад 2 сентября 2003 г. Оно заключило, что в РМН предоставляемые пациентам лекарства были неадекватными вследствие отсутствия связи между психиатрическим диагнозом и предоставляемым лечением или по причине ограниченности медицинских обследований. Несколько недостатков касались эффективности управления и недостаточного количества медицинского персонала по сравнению

с численностью пациентов.

2. Центр медико-социальной помощи Четате-Долж

48. Информация, полученная от Центра, позволяет полагать, что CMSC являлся небольшим учреждением медико-социальной помощи, имевшим в начале 2004 года 20 коек, а в то время в CMSC находились 18 пациентов. До 1 января 2004 г., когда он был преобразован в центр медико-социальной помощи, CMSC являлась психиатрической больницей.

Согласно свидетельству об аккредитации на 2006 - 2009 годы CMSC мог оказывать услуги взрослым лицам, испытывающим сложные семейные ситуации, с упором на социальный компонент медико-социальной помощи.

II. Соответствующее законодательство Румынии и правоприменительная практика

A. Уголовный кодекс Румынии

49. В соответствующих частях Уголовный кодекс Румынии, действовавший в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривает следующее:

"...Статья 114. Принудительное лечение в медицинском учреждении

1. Если преступник является душевнобольным или наркозависимым лицом и находится в состоянии, представляющем опасность для общества, он может быть направлен в специализированное медицинское учреждение до восстановления здоровья.

2. Данная мера может быть также принята временно в период уголовного преследования или судебного разбирательства...

Статья 178. Причинение смерти по неосторожности

Причинение смерти по неосторожности вследствие несоблюдения правовых норм или профилактических мер при осуществлении профессиональной или промышленной деятельности или вследствие осуществления конкретной деятельности наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет...

Статья 246. Злоупотребление должностным положением и неисполнение обязанностей в интересах лица

Публичный служащий, который при исполнении должностных обязанностей умышленно не совершает действие или совершает его неправильно и при этом нарушает законные интересы другого лица, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет...

Часть 1 статьи 249. Халатность при исполнении должностных обязанностей

Нарушение должностных обязанностей в результате халатности со стороны публичного служащего в виде неисполнения или неправильного исполнения, если такое нарушение причинило существенные препятствия для надлежащего функционирования публичного органа или учреждения либо юридического лица или вред имуществу или серьезный вред законным

интересами другого лица, наказывается лишением свободы на срок от одного месяца до двух лет или штрафом...

Статья 314. Оставление в опасности лица, неспособного позаботиться о себе

1. Акт отказа, отправки или оставления в беспомощном состоянии ребенка или лица, неспособного позаботиться о себе, совершенный любым способом лицом, которому доверено наблюдение или уход, [или] помещение его жизни, здоровья или телесной неприкосновенности под непосредственную опасность наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет...".

В. Уголовно-процессуальный кодекс Румынии

50. Процедура, регулирующая обжалование в суд решений, принятых прокурором во время уголовных расследований, изложена в статьях 275 - 278.1 кодекса, действовавших в период оспариваемых событий. В соответствующих частях эти статьи предусматривают следующее:

"Статья 275

Любое лицо может подать жалобу на меры и решения, принятые во время уголовного расследования, если они повредили его законным интересам...

Статья 278

Жалобы на меры или решения, принятые прокурором или исполненные по требованию последнего, рассматриваются... главным прокурором соответствующего подразделения...

Статья 278.1

1. После отклонения прокурором жалобы, поданной в соответствии со статьями 275 - 278 на прекращение уголовного расследования... путем решения об отказе от преследования (*neurmărire penală*)... потерпевшая сторона или любое другое лицо, чьи законные интересы нарушены, может подать жалобу в 20-дневный срок после уведомления об оспариваемом решении, судье суда, который обычно имеет юрисдикцию для рассмотрения дела в первой инстанции...

4. Лицо, в отношении которого прокурор решил прекратить уголовное расследование, а также лицо, обжаловавшее это решение, вызывается в суд. В случае надлежащего уведомления неявка этих лиц в суд не препятствует рассмотрению дела...

5. Участие прокурора в судебном разбирательстве является обязательным.

6. Судья заслушивает заявителя, а затем лицо, в отношении которого уголовное расследование прекращено, и, наконец, прокурора.

7. При рассмотрении дела судья оценивает оспариваемое решение на основе существующих актов и материалов и любых вновь представленных материалов.

8. Судья принимает одно из следующих решений:

(а) отклоняет жалобу как поданную за пределами срока, неприемлемую или необоснованную и оставляет решение без изменения;

(b) удовлетворяет жалобу, отменяет решение и направляет дело обратно прокурору, который инициирует или возобновляет уголовное расследование. Судья должен мотивировать такое возвращение и указать факты и обстоятельства, требующие выяснения, а также относимые доказательства, которые требовалось представить;

(с) удовлетворяет жалобу, отменяет решение и, если представленные по делу доказательства являются достаточными, оставляет дело для дополнительного рассмотрения в соответствии с правилами процедуры, действующими в первой инстанции и, если применимо, в апелляционной. (...)

12. Судья рассматривает дело в течение 30 дней с даты получения.

13. Жалоба, поданная в ненадлежащий орган, направляется в административном порядке в орган, имеющий юрисдикцию для ее рассмотрения [сноска опущена]".

С. Система социальной помощи

51. Статья 2 Закона о национальной социальной помощи (Закон N 705/2001), действовавшего в период, относящийся к обстоятельствам дела, определяет систему социальной помощи следующим образом:

"...система учреждений и мер, за счет которых государство, публичные органы и гражданское общество обеспечивают предотвращение, ограничение или устранение временных или постоянных последствий ситуаций, которые могут вызвать маргинализацию или социальную отчужденность некоторых лиц".

Статья 3 определяет пределы системы социальной помощи, которые должны:

"...защищать лиц, которые по экономическим, физическим, ментальным или социальным причинам не имеют возможности удовлетворять свои социальные потребности и развивать свои собственные способности и навыки социальной интеграции".

52. Ордонанс N 68/2003 относительно социальных служб определяет цели государственных социальных служб и подробности процесса принятия решений по поводу предоставления социальных услуг.

D. Законодательство относительно системы здравоохранения

53. Подробное описание соответствующих правовых норм о психическом здоровье содержится в деле "В. против Румынии (N 2)" (В. v. Romania) (N 2) ([Постановление](#) от 19 февраля 2013 г., жалоба N 1285/03, §§ 42 - 66).

Закон N 487/2002 о психическом здоровье и защите лиц с психологическими расстройствами (далее - Закон о психическом здоровье 2002 года), который вступил в силу в августе 2002 г., описывает процедуру принудительного лечения лица. Специальная психиатрическая комиссия должна утвердить решение лечащего врача о том, что лицо должно

остаться в больнице для обязательного лечения в течение 72 часов после его госпитализации. Кроме того, эта экспертиза должна быть рассмотрена в течение 24 часов прокурором, чье решение в свою очередь может быть обжаловано в суд. Имплементация положений закона зависела от принятия необходимых правил. Правила были изданы 2 мая 2006 г.

54. Закон о больницах (Закон N 270/2003) предусматривал в статье 4, что больницы обязаны "обеспечить адекватное размещение и питание, а также предотвращение инфекций". Он был отменен 28 мая 2006 г., после вступления в силу Закона о реформе здравоохранения 2006 года (Закон N 95/2006).

55. Закон о правах пациентов (Закон N 46/2003) предусматривает в статье 3, что "пациент имеет право на уважение человеческого достоинства, без дискриминации". Согласно статье 35 данного закона пациент имеет "право на непрерывную медицинскую помощь до улучшения его состояния здоровья или до его выздоровления". Кроме того, "пациент имеет право на паллиативную помощь, чтобы иметь возможность скончаться с достоинством". Согласие пациента требуется для любой формы медицинского вмешательства.

56. Приказ N 1134/25.05.2000, изданный министром юстиции, и приказ N 255/4.04.2000, изданный министром здравоохранения, утвердили регламент медицинских заключений и других услуг медицинской экспертизы, которые предусматривают в статье 34, что должно производиться вскрытие, если смерть наступает в психиатрической больнице. Статья 44 обязывает администрацию медицинских учреждений информировать следственные органы, которые должны потребовать проведения вскрытия.

57. Закон N 584/2002 о мерах предотвращения распространения ВИЧ-инфекции и защиты лиц, инфицированных ВИЧ или страдающих от СПИДа, устанавливает в статье 9, что медицинские центры и врачи должны госпитализировать таких лиц и предоставлять им надлежащую медицинскую помощь с учетом конкретных симптомов.

Е. Система опеки

1. Опека над несовершеннолетними

58. Статьи 113 - 141 Семейного кодекса, действовавшие в период данных событий, регулировали опеку над несовершеннолетним, родители которого скончались, неизвестны, лишены родительских прав, признаны недееспособными, безвестно отсутствуют или признаны умершими по судебному решению. Семейный кодекс предусматривал условия, делающие опеку необходимой, назначение опекуна (*tutore*), ответственность опекуна, отстранение опекуна и прекращение опеки. Учреждением с широчайшими пределами ответственности в этой сфере являлся орган опеки (*autoritatea tutelară*), наделенный, в частности, полномочиями по наблюдению за деятельностью опекунов.

В настоящее время опека регулируется статьями 110 - 163 Гражданского кодекса. Новый Гражданский кодекс опубликован в "Официальной газете" N 511 от 24 июля 2009 г. и впоследствии повторно опубликован в "Официальной газете" N 505 от 15 июля 2011. Он вступил в силу 1 октября 2011 г.

2. Процедура лишения дееспособности и опека над лицами с ограниченными возможностями

59. Статьи 142 - 151 Семейного кодекса, действовавшего в период, к которому относятся факты настоящего дела, регулировал процедуру ограничения дееспособности (*interdicție*), с помощью которой лицо, которое, как установлено, не способно вести свои дела, утрачивает свою дееспособность.

Решение о лишении недееспособности может быть вынесено и отменено судом в отношении "тех, кто утратил способность заботиться о своих интересах по причине психического заболевания или слабоумия". Разбирательства о лишении дееспособности могут быть возбуждены широким кругом лиц, в числе которых компетентные государственные органы для защиты прав несовершеннолетних или любое заинтересованное лицо. При утрате лицом дееспособности ему назначается опекун для представления его интересов, имеющий те же полномочия, что и опекун несовершеннолетнего.

Хотя процедура лишения дееспособности может также применяться к несовершеннолетним, она предназначена особенно для взрослых инвалидов.

Вышеупомянутые положения были впоследствии включены с некоторыми изменениями в Гражданский кодекс (статьи 164 - 177).

60. Статьи 152 - 157 Семейного кодекса, действовавшие в период, относящийся к обстоятельствам дела, устанавливали процедуру временной опеки (*curatela*), предназначенной для лиц, которые, хотя и не лишены дееспособности, не способны защищать свои интересы надлежащим образом или назначить себе представителя. В соответствующих частях эти положения кодекса предусматривают:

"Статья 152

Кроме других случаев, предусмотренных законом, орган опеки назначает временного опекуна при следующих обстоятельствах, если по причине:

(а) преклонного возраста, заболевания или физической слабости лицо, даже сохраняющее дееспособность, не способно удовлетворительно защищать свои интересы и по уважительным причинам не может назначить себе представителя;

(b) заболевания или по другим причинам лицо, даже сохраняющее дееспособность, не способно лично или через представителя принять необходимые меры в ситуациях, требующих срочных действий;

(с) заболевания или по другим причинам родитель или назначенный опекун (*tutore*) не способен совершать данные действия...

Статья 153

В ситуациях, упомянутых в статье 152, назначение временного опекуна (*curator*) не затрагивает дееспособность лица, представляемого опекуном.

Статья 154

(1) Временная опека (*curatela*) может быть установлена по требованию лица, которое хочет, чтобы его представляли, супруга или родственников этого лица, любых лиц, указанных в статье 115, или опекуна (*tutore*) в ситуациях, упомянутых в статье 152(с). Орган опеки также может установить опеку по своей инициативе.

(2) Опека может быть установлена только с согласия представляемого лица, кроме ситуаций, в которых согласие не может быть получено...

Статья 157

Если причины, повлекшие установление временной опеки, отпали, мера отменяется органом опеки по требованию опекуна, представляемого лица или любых лиц, указанных в статье 115, или по своей инициативе".

Вышеупомянутые положения были включены с некоторыми изменениями в Гражданский кодекс (статьи 178 - 186).

61. Чрезвычайный ордонанс N 26/1997 о детях, оказавшихся в сложном положении, действовавший в период данных событий, отходит от положений Семейного кодекса об опеке. Статья 8(1) ордонанса предусматривает следующее:

"...если родители ребенка умерли, неизвестны, лишены дееспособности, признаны умершими судом, безвестно отсутствуют или лишены родительских прав, если опека не установлена, если ребенок признан брошенным по окончательному судебному решению и если суд не решил передать ребенка в семью или лицу в соответствии с законом, родительские права осуществляет окружной совет... через посредство [его комитета защиты детей]".

Чрезвычайный ордонанс N 26/1997 был отменен 1 января 2005 г., когда вступило в силу новое законодательство о защите и продвижении прав детей (Закон N 272/2004).

62. Приказ N 726/2002 относительно критериев, на основании которых введены категории инвалидности взрослых, описывает лиц с "тяжелой умственной отсталостью" следующим образом:

"...у них пониженное психомоторное развитие, малочисленные или отсутствующие языковые навыки; они могут научиться говорить, могут выучить алфавит и основы счета. Они могут выполнять простые задачи под строгим наблюдением. Эти люди могут адаптироваться к жизни в обществе в приютах или своих семьях, если у них отсутствуют другие виды ограниченных возможностей, требующие специального ухода".

63. Закон N 519/2002 о специальной защите и занятости инвалидов перечисляет социальные права, которые имеют лица с ограниченными возможностями. Он был отменен Законом о защите инвалидов (Закон N 448/2006), который вступил в силу 21 декабря 2006 г. Статья 23 закона, действовавшего первоначально, предусматривала, что лица с ограниченными возможностями защищены от халатности и злоупотреблений, включая средства служб юридической помощи и, если необходимо, передачу под опеку. В соответствии со статьей 25 данного закона с изменениями, внесенными в 2008 году, лица с ограниченными возможностями защищены от халатности и злоупотреблений и от дискриминации на основании их места пребывания. Лица, которые полностью или частично неспособны вести свои дела, пользуются

правовой защитой в форме полной или частичной опеки, а также юридической помощи. Кроме того, если лицо с ограниченными возможностями не имеет родителей или другого лица, которое может согласиться действовать в качестве его опекуна, суд может назначить опекуном местный публичный орган или частноправовое юридическое лицо, которые обеспечат уход данному лицу.

III. Соответствующие международные правовые материалы

A. Вопрос о праве на поддержание жалобы в Европейском Суде

1. Конвенция о правах инвалидов (CRPD), принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. (Резолюция A/RES/61/106)

64. Цель **Конвенции** о правах инвалидов заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства, ратифицирована Румынией 31 января 2011 г. В соответствующих частях она предусматривает:

"Статья 5. Равенство и недискриминация

1. Государства-участники признают, что все лица равны перед законом и по нему и имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации.

2. Государства-участники запрещают любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантируют инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве.

3. Для поощрения равенства и устранения дискриминации государства-участники предпринимают все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления.

4. Конкретные меры, необходимые для ускорения или достижения фактического равенства инвалидов, не считаются дискриминацией по смыслу настоящей **Конвенции**...

Статья 10. Право на жизнь

Государства-участники вновь подтверждают неотъемлемое право каждого человека на жизнь и принимают все необходимые меры для обеспечения его эффективного осуществления инвалидами наравне с другими...

Статья 12. Равенство перед законом

1. Государства-участники подтверждают, что каждый инвалид, где бы он ни находился, имеет право на равную правовую защиту.

2. Государства-участники признают, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни.

3. Государства-участники принимают надлежащие меры для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей правоспособности.

4. Государства-участники обеспечивают, чтобы все меры, связанные с реализацией

правоспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией правоспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Эти гарантии должны быть соразмерны в той степени, в которой такие меры затрагивают права и интересы данного лица...

Статья 13. Доступ к правосудию

1. Государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства.

2. Чтобы содействовать обеспечению инвалидам эффективного доступа к правосудию, государства-участники способствуют надлежащему обучению лиц, работающих в сфере отправления правосудия, в том числе в полиции и пенитенциарной системе..."

2. Соответствующие мнения Комитета ООН по правам человека

65. Первый факультативный **протокол** к Международному пакту о гражданских и политических правах наделяет Комитет ООН по правам человека правом рассматривать сообщения от индивидуальных лиц, которые утверждают, что являются жертвами нарушения пакта государствами - участниками Протокола (**статьи 1 и 2** Факультативного протокола). Это прямо ограничивает право подачи сообщения отдельными лицами. Таким образом, жалобы, поданные неправительственными правозащитными организациями, ассоциациями, политическими партиями или корпорациями по их инициативе, обычно признаются неприемлемыми за отсутствием права обращения (см., например, "Лица с ограниченными возможностями и недостатками в Италии против Италии" (Disabled and handicapped persons in Italy v. Italy) (сообщение N 163/1984)).

66. В исключительных случаях третье лицо может подать сообщение в интересах потерпевшего. Сообщение, поданное третьим лицом в интересах предполагаемого потерпевшего, может быть рассмотрено, только если третье лицо может доказать полномочия на подачу сообщения. Предполагаемый потерпевший может назначить представителя для подачи сообщения в его интересах.

67. Сообщение, поданное в интересах предполагаемого потерпевшего, также может быть принято, если представляется, что данное лицо не может подать сообщение лично (см. правило 96 Регламента Комитета ООН по правам человека):

"Правило 96

Для вынесения решения о приемлемости сообщения Комитет или рабочая группа, созданная в соответствии с пунктом 1 правила 95 данного регламента, должны удостовериться:

...(b) что лицо утверждает достаточно обоснованным способом, что является жертвой нарушения данным государством-стороной любых прав, предусмотренных Пактом. Обычно сообщение представляет лицо лично или представитель лица; однако сообщение, представленное в интересах предполагаемого потерпевшего, может быть принято, если представляется, что данное лицо неспособно представить сообщение лично...".

68. Типичными примерами данной ситуации могут быть случаи, когда жертва предположительно похищена или отсутствует другой способ узнать ее местонахождение, или жертва лишена свободы или находится в психиатрическом учреждении. Третья сторона (обычно близкие родственники) может подать сообщение от имени умершего (см., например, "Саймиджон и Малохат Базаровы против Узбекистана" (Saimijon and Malokhat Bazarov v. Uzbekistan) (сообщение N 959/2000), "Панайоте Джелаль против Греции" (Panayote Celal v. Greece) (сообщение N 1235/2003), "Юлия Васильевна Телицина против Российской Федерации" (Yuliya Vasilyevna Telitsina v. Russian Federation) (сообщение N 888/1999), "Хосе Антонио Коронель и другие против Колумбии" (José Antonio Coronel and Others v. Colombia) (сообщение N 778/1997) и "Жан Мианго Муийо против Заира" (Jean Miango Muiyo v. Zaire) (сообщение N 194/1985)).

3. Специальный докладчик ООН по вопросу о правах инвалидов

69. В своем докладе по вопросу мониторинга, изданном в 2006 году, специальный докладчик по вопросу о правах инвалидов указала:

"...2. Лица с нарушениями развития особенно уязвимы перед нарушениями прав человека. Интересы лица с ограниченными возможностями также редко принимаются во внимание, они не имеют политического голоса и часто являются подгруппой уже маргинализированных социальных групп и, следовательно, не имеют возможности влиять на правительства. Они сталкиваются с существенными проблемами доступа к судебной системе для защиты своих прав или поиска средств правовой защиты от нарушений, а их доступ к организациям, которые могут защитить их права, обычно ограничен. Хотя неинвалиды нуждаются в национальных и международных органах для защиты их прав человека, требуются дополнительные обоснования для обеспечения того, чтобы лицам с ограниченными возможностями и их правам уделялось особое внимание посредством национальных и международных мониторинговых механизмов".

4. Прецедентная практика Межамериканской комиссии по правам человека

70. [Статья 44](#) Американской конвенции о правах человека предоставляет Межамериканской комиссии по правам человека право получать петиции от любого лица либо группы лиц или любой неправительственной организации, законно признанной в одном или нескольких государствах - членах Организации американских государств. Она предусматривает, что:

"Любое лицо или группа лиц или любая неправительственная организация, законно признанная в одном или нескольких государствах - членах Организации американских государств, могут направлять в Комиссию петиции, содержащие обвинения или жалобы о нарушении настоящей [Конвенции](#) каким-либо государством-участником".

Согласно статье 23 Регламента Межамериканской комиссии по правам человека подобные

петиции могут быть поданы через третьих лиц. В ней указывается следующее:

"Любое лицо или группа лиц или любая неправительственная организация, законно признанная в одном или нескольких государствах - членах Организации американских государств, может подавать петиции в комиссию в своих интересах или в интересах третьих лиц относительно предполагаемых нарушений права человека, признанных в Американской декларации прав и обязанностей человека, Американской **конвенции** о правах человека "Пакте Сан-Хосе, Коста-Рика"... в соответствии с их положениями, уставом комиссии и настоящим регламентом. Петиционер может назначить представителя или иное лицо для представления его интересов в комиссии, в самой петиции или в отдельном документе".

71. Межамериканская комиссия рассмотрела дела, возбужденные неправительственными правозащитными организациями в интересах прямых жертв, включая исчезнувших или умерших. Например, в деле "Гомес Лунд и другие ("Герилья ду Арагуайя") против Бразилии" (Gomes Lund and Others ("Guerrilha do Araguaia") v. Brazil) (доклад N 33/01) петиционером являлся Центр справедливости и международного права, действующий от имени исчезнувших лиц и их близких родственников. Что касается компетенции *ratione personae* <1>, комиссия признала, что организация-петиционер может подавать петиции в интересах прямых жертв по делу в соответствии со **статьей 44** Американской конвенции о правах человека. В деле "Теодоро Кабрера Гарсия и Родольфо Монтиэль Флорес против Мексики" (Teodoro Cabrera Garcia and Rodolfo Montiel Flores v. Mexico) (доклад N 11/04) комиссия подтвердила свою юрисдикцию *ratione personae* для рассмотрения требований, предъявленных различными организациями и лицами, утверждавшими, что два других лица были незаконно заключены под стражу, подвергнуты пытке и лишены свободы после несправедливого судебного разбирательства. В деле "Арели Жозе Эшчер и другие против Бразилии" (Arelly **José** Escher and Others v. Brazil) (доклад N 18/06) комиссия подтвердила свою юрисдикцию *ratione personae* для рассмотрения петиции, поданной двумя ассоциациями (Национальной сетью популярных адвокатов и Центром глобальной юстиции), ссылавшихся на нарушения прав на надлежащий процесс, на уважение личной чести и достоинства и на обращение в суды, причинившие ущерб членам двух кооперативов, связанных с Движением безземельных рабочих, в результате незаконного прослушивания и мониторинга их телефонных переговоров.

<1> *Ratione personae* (лат.) - ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь, критерий, применяемый при оценке приемлемости обращения (примеч. переводчика).

72. Дела, первоначально инициированные неправительственными правозащитными организациями, могут быть впоследствии переданы комиссией в Межамериканский суд по правам человека после принятия доклада комиссии по существу (см., например, дело "Резня в "Лас Дос Эррес" против Гватемалы" (Case of the Las Dos Erres Massacre v. Guatemala) (предварительное возражение, существо, компенсация и издержки), (Постановление от 24 ноября 2009 г., Series C, N 211), инициированное офисом прав человека архиепископства Гватемалы и Центром справедливости и международного права, см. также упоминавшееся выше дело "Арели Жозе Эшчер и другие против Бразилии").

5. Доклад Агентства Европейского союза по фундаментальным правам "Доступ к правосудию в Европе: обзор проблем и возможностей" (Access to justice in Europe:

an overview of challenges and opportunities)

73. В докладе, изданном Агентством Европейского союза по фундаментальным правам в марте 2011 года, подчеркивается, что возможность требования эффективной защиты прав уязвимых лиц на внутригосударственном уровне часто ограничивается, в частности, юридическими издержками и узким толкованием права на обращение в суд (см. страницы 37 - 54 доклада).

В. Доклады по поводу условий в РМН

1. Доклады Европейского комитета против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания по Румынии

74. ЕКПП документировал ситуацию в РМН в рамках трех посещений в 1995, 1999 и 2004 годах.

75. В 1995 году условия проживания в РМН были признаны столь ужасающими, что ЕКПП решил применить [пункт 5 статьи 8](#) Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, который позволяет при исключительных обстоятельствах направлять определенные замечания заинтересованному правительству во время самого посещения. В частности, ЕКПП отметил, что за семь месяцев в 1995 году скончался 61 пациент, из них 25 были "сильно истощены" (см. § 177 доклада 1995 года). ЕКПП решил предложить властям Румынии принять срочные меры с целью обеспечить "основные условия проживания" в РМН.

Иными предметами озабоченности, выявленными ЕКПП по этому поводу, были практика содержания пациентов в изолированных помещениях в качестве формы наказания и отсутствие гарантий в отношении недобровольной госпитализации.

76. В 1999 году ЕКПП повторно посетил РМН. Наиболее серьезные недостатки, выявленные в этот раз, касались сокращения численности персонала, специализированного и вспомогательного, по сравнению с 1995 годом и отсутствия прогресса в отношении недобровольной госпитализации.

77. В июне 2004 года ЕКПП посетил РМН в третий раз, на этот раз в ответ на сообщения о росте смертности пациентов. В момент посещения в больнице, имевшей 500 коек, находились 472 пациента, из которых 246 были госпитализированы на основании статьи 114 Уголовного кодекса Румынии (принудительная госпитализация по решению суда по уголовным делам).

ЕКПП отметил в своем докладе, что 81 пациент скончался в 2003 году и 28 - в первые пять месяцев 2004 года. Рост количества смертей произошел из-за перевода из больницы в 2002 году пациентов, страдающих активным туберкулезом. Основными причинами смерти были остановка сердечной деятельности, инфаркт миокарда и бронхопневмония.

Средний возраст скончавшихся пациентов составлял 56 лет, 16 человек не достигли 40-летнего возраста. ЕКПП утверждал, что "такие ранние смерти не могли объясняться исключительно на основе симптомов пациентов во время их госпитализации" (см. § 13 доклада 2004 года). ЕКПП также отметил, что за некоторыми из этих пациентов "явно не было достаточного ухода" (см. § 14 доклада).

ЕКПП с озабоченностью отметил "скудость человеческих и материальных ресурсов", имевшихся в больнице (см. § 16 доклада). Он выделил серьезные недостатки в качестве и количестве питания, предоставлявшегося пациентам, и отсутствие в больнице отопления.

Ввиду недостатков, выявленных в РМН, ЕКПП сделал следующее заявление в § 20 доклада:

"...мы не можем исключить возможность того, что совокупное воздействие трудных условий проживания, в частности, недостатка питания и отопления, повлекло последовательное ухудшение общего состояния здоровья слабейших пациентов, и скудость имевшихся медицинских препаратов не могла предотвратить их смерть в большинстве случаев.

По мнению ЕКПП, ситуация в больнице Пояна-Маре является весьма тревожной и требует принятия решительных мер, направленных на улучшение условий проживания и помощи, оказываемой пациентам. После третьего посещения ЕКПП больницы Пояна-Маре менее чем за 10 лет властям пора наконец осознать реальный масштаб ситуации, существующей в учреждении".

В конце концов в отношении недобровольной госпитализации по решению суда по гражданским делам ЕКПП отметил, что недавно принятый Закон о психическом здоровье 2002 года не был имплементирован полностью, поскольку ставил пациентов, госпитализированных в недобровольном порядке, вне сферы гарантий, включенных в закон (см. § 32 доклада).

2. Специальный докладчик ООН по праву на здоровье

78. 2 марта 2004 г. специальный докладчик по праву на здоровье совместно со специальным докладчиком ООН по праву на питание и специальным докладчиком ООН по вопросу пыток обратились к властям Румынии, выразив озабоченность по поводу тревожных сообщений относительно условий проживания в РМН и прося дать разъяснения по этому поводу. Правительство Румынии дало следующий ответ (см. краткий обзор специальным докладчиком по праву на здоровье UN Doc. E/CN.4/2005/51/Add.1):

"...54. Письмом, датированным 8 марта 2004 г., Правительство Румынии ответило на сообщение, направленное специальным докладчиком относительно ситуации в психиатрической больнице Пояна-Маре. Правительство подтвердило, что власти Румынии полностью осознают и разделяют озабоченность по поводу больницы. Обеспечение защиты лиц с недостатками остается правительственным приоритетом, и Министерство здравоохранения начнет проверки таких медицинских учреждений, чтобы убедиться, что Пояна-Маре является единичным случаем. В отношении Пояна-Маре приняты экстренные меры для улучшения условий проживания пациентов, и эти меры будут приниматься далее, пока больница не будет полностью реабилитирована. 25 февраля 2004 г. министр здравоохранения провел проверку в Пояна-Маре. Выявлены недостатки в системах отопления и водоснабжения, при приготовлении пищи, в вывозе отходов, условиях проживания и санитарных условиях, а также при оказании медицинской помощи. Основная часть проблем, связанных с медицинской помощью, вызвана недостаточностью ресурсов и неудовлетворительным руководством. Правительство подтвердило, что требуются следующие меры: выяснение судебно-медицинскими специалистами причин смерти тех пациентов, смерть которых не была связана с имевшимся заболеванием или преклонным возрастом, реализация плана работы больницы в 2004 году, привлечение дополнительного специализированного медицинского персонала, реорганизация рабочего графика врачей с включением ночных смен, обеспечение специализированной медицинской

помощи на регулярной основе и предоставление дополнительного финансирования для улучшения условий проживания. Правительство также подтвердило, что статс-секретарь Министерства здравоохранения, а также статс-секретарь Национального органа по делам инвалидов уволены за недостатки, выявленные в психиатрической больнице Пояна-Маре, прежний директор больницы заменен временным до проведения конкурсного отбора на вакантную должность. Правительство подтвердило, что работу больницы будут тщательно контролировать представители Министерства здравоохранения на протяжении 2004 года и что представители местной администрации будут непосредственно участвовать в улучшении положения в больнице. Наконец, правительство подтвердило, что Министерство здравоохранения скоро начнет независимое расследование в отношении всех подобных заведений и примет все необходимые меры для предотвращения возобновления таких нежелательных ситуаций".

Во время своего официального визита в Румынию в августе 2004 года специальный докладчик по праву на здоровье осмотрел несколько психиатрических учреждений, включая РМН. В докладе (UN Doc. E/CN.4/2005/51.Add.4) после визита специального докладчика, изданного 21 февраля 2005 г., в соответствующих частях указано следующее:

"61. Тем не менее во время своей миссии специальный докладчик пришел к выводу, что несмотря на правовые и политические обязательства правительства, использование права на психическое здоровье остается скорее стремлением, чем реальностью для многих лиц с психическими отклонениями в Румынии...

Психиатрическая больница Пояна-Маре

...63. Во время своей миссии специальный докладчик имел возможность посетить [РМН] и обсудить развитие ситуации, имевшее место после февраля 2004 года, и назначения нового директора больницы. Директор уведомил специального докладчика о том, что от правительства получено финансирование (5,7 млрд. лей) для улучшения ситуации. Рационы питания увеличены, система отопления, отделения и другие здания в больнице отремонтированы. В то время как специальный докладчик приветствует эти улучшения и всех ответственных лиц, он призывает правительство обеспечить выделение адекватных средств в поддержку этих изменений на постоянной основе. Правительство также должно поддерживать другие требуемые меры, включая обеспечение доступности целесообразных лекарств, предоставление адекватной реабилитации для пациентов, обеспечение доступа пациентов к эффективным механизмам обжалования, проведение подготовки больничного персонала в сфере прав человека. Специальный докладчик понимает, что уголовные расследования смертей все еще продолжаются. Он продолжит внимательный мониторинг развития ситуации в РМН. Специальный докладчик пользуется случаем, чтобы признать важную роль, которую средства массовой информации и неправительственные общественные организации сыграли в отношении Пояна-Маре".

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статей 2, 3 и 13 Конвенции

79. Центр, действуя от имени Кэмпеану, жаловался на то, что Кэмпеану был незаконно лишен жизни в результате совокупности действий и бездействия со стороны ряда государственных учреждений в нарушение их правового обязательства обеспечить ему уход и лечение. Кроме того, власти не создали эффективного механизма обеспечения прав лиц с

ограниченными возможностями, помещенных в учреждения длительного пребывания, включая инициирование расследований подозрительных смертей.

Кроме того, Центр жаловался на то, что серьезные недостатки в уходе и лечении Кэмпеану в CMSC и РМН, условия проживания в РМН и общее отношение властей и лиц, участвовавших в его лечении и уходе за ним в последние месяцы его жизни, вместе или отдельно составляли бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Кроме того, официальное расследование этих утверждений о жестоком обращении не соответствовало процессуальному обязательству государства в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции.

В соответствии со [статьей 13](#) Конвенции во взаимосвязи со [статьями 2](#) и [3](#) Конвенции Центр утверждал, что в правовой системе Румынии отсутствовало эффективное средство правовой защиты относительно подозрительных смертей и/или жестокого обращения в психиатрических больницах.

В соответствующих частях [статьи 2](#), [3](#) и [13](#) Конвенции предусматривают следующее:

"[Статья 2](#) Конвенции

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом...

[Статья 3](#) Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию...

[Статья 13](#) Конвенции

Каждый, чьи права и свободы, признанные в... [Конвенции](#), нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Приемлемость жалобы

80. Власти Румынии утверждали, что Центр не имел права подавать настоящую жалобу в интересах скончавшегося Валентина Кэмпеану. Таким образом, настоящая жалоба является неприемлемой как несовместимая *ratione personae* с положениями [статьи 34](#) Конвенции, которая предусматривает следующее:

"Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей [Конвенции](#) или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права".

1. Доводы сторон

(а) Власти Румынии

81. Власти Румынии утверждали, что условия, требуемые [статьей 34](#) Конвенции для подачи

жалобы в Европейский Суд, не были соблюдены в настоящем деле. С одной стороны, Центр не имел статуса жертвы, а с другой стороны, он не доказал, что являлся действительным представителем непосредственной жертвы.

Сознавая динамичное и развивающееся толкование **Конвенции** Европейским Судом в ее прецедентной практике, власти Румынии, тем не менее, указали на тот факт, что, насколько допустимо судебное толкование, любая форма законодательной деятельности со стороны судебной власти путем дополнения текста **Конвенции** неприемлема, поэтому **статья 34** Конвенции по-прежнему должна толковаться как означающая, что субъектами права индивидуального обращения могут быть только лица, неправительственные правозащитные организации или группы лиц, утверждающие, что они являются жертвами или представителями предполагаемых потерпевших.

82. Власти Румынии оспаривали, что Центр может считаться прямой или косвенной или потенциальной жертвой.

Во-первых, в настоящем деле Центр не утверждал, что его собственные права были нарушены, и поэтому не мог считаться прямой жертвой (власти Румынии ссылались на Решение

Европейского Суда по делу "Чонка и Лига прав человека против Бельгии" (

ЎConka

and the Human Rights League v. Belgium) от 13 марта 2001 г., жалоба N 51564/99).

Во-вторых, согласно прецедентной практике Европейского Суда косвенная или потенциальная жертва должна представить достаточные доказательства существования угрозы нарушения или воздействия, которое нарушение прав третьего лица может на него оказать вследствие наличия тесной связи, естественной (например, в случае члена семьи) или правовой (например, в результате мер опеки). Таким образом, власти Румынии утверждали, что сам факт того, что уязвимые личные обстоятельства Кэмпеану привлекли внимание Центра, который решил представить его дело в судах страны, не был достаточным для того, чтобы превратить Центр в косвенную жертву. В отсутствие прочной связи между прямой жертвой и Центром или решения, уполномочивающего Центр представлять интересы Кэмпеану или заботиться о нем, Центр не мог утверждать, что он является жертвой, прямой или косвенной, несмотря на неоспариваемую уязвимость Кэмпеану, или тот факт, что он являлся сиротой и не имел назначенного опекуна (власти Румынии ссылались в качестве противоположного примера на Решение Комиссии по правам человека по делу "Беккер против Дании" (Becker v. Denmark) от 3 октября 1975 г., жалоба N 7011/75, Decisions and Reports (DR) 4, p. 215).

83. Кроме того, при отсутствии каких-либо доказательств наличия доверенности Центр не мог утверждать, что он является представителем прямой жертвы (власти Румынии ссылались на Решение Комиссии по правам человека по делу "Шельдагер против Швеции" (Skjoldager v. Sweden) от 17 мая 1995 г., жалоба N 22504/93, не опубликовано).

Власти Румынии утверждали, что участие Центра во внутригосударственном разбирательстве относительно смерти Кэмпеану не предполагает признания властями государства-ответчика его права действовать в интересах прямой жертвы. Право Центра выступать в судах страны следовало из того, что интересам этого лица вредило постановление

прокурора, а не из представительства потерпевшей стороны. В этом отношении законодательство Румынии в толковании Верховного кассационного суда, содержащемся в его решении от 15 июня 2006 г. (см. § 44 настоящего Постановления), составляло признание *actio popularis* <1> во внутригосударственном разбирательстве.

<1> Популярные иски (*actiones populares*) - в римском праве могли быть предъявлены любым гражданином к тем, действия которых могли причинить вред неопределенному кругу лиц (примеч. переводчика).

84. Власти Румынии утверждали, что настоящее дело в Европейском Суде должно быть отклонено как *actio popularis*, отмечая, что подобные дела принимались Европейским Судом исключительно в контексте статьи 33 Конвенции в отношении полномочий государств по наблюдению друг за другом. Отмечая, что другие международные органы прямо не исключают *actio popularis* (со ссылкой на статью 44 Американской конвенции о правах человека), власти Румынии утверждали, что каждый механизм имеет свои пределы, недостатки и преимущества, а принятая модель является исключительно результатом переговоров между Договаривающимися Сторонами.

85. Власти Румынии также утверждали, что власти рассмотрели конкретные рекомендации ЕКПЧ с тем результатом, что Всеобщий периодический обзор ООН за 2013 год признал положительные изменения в ситуации лиц с отклонениями в Румынии. Имели место дополнительные улучшения во внутригосударственном законодательстве об опеке и защите лиц с отклонениями.

Кроме того, поскольку в нескольких постановлениях Европейский Суд уже рассмотрел вопрос о правах уязвимых пациентов, помещенных в крупные учреждения (власти Румынии ссылались на Постановление Европейского Суда по делу "С.В. против Румынии" (*S.V. v. Romania*) от 20 апреля 2010 г., жалоба N 21207/03, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Станев против Болгарии" (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба N 36760/06, ECHR 2012), власти Румынии считали, что отсутствуют конкретные причины, связанные с соблюдением прав человека, определенных в Конвенции, которые требовали бы продолжения рассмотрения жалобы.

(b) Центр

86. Центр утверждал, что исключительные обстоятельства данной жалобы требуют ее рассмотрения по существу. Европейский Суд может провести такую оценку, признав, что Центр является косвенной жертвой, или исходя из того, что Центр действовал в качестве представителя Кэмпану.

87. Ввиду принципа Европейского Суда о гибком толковании критериев приемлемости, если того требуют интересы прав человека и необходимость обеспечения практического и эффективного доступа к разбирательству в нем, Центр утверждал, что его право действовать в интересах Кэмпану должно быть признано Европейским Судом. В таком решении должны учитываться исключительные обстоятельства дела, тот факт, что для Кэмпану доступ к правосудию был невозможен, прямо или через представителя, что внутригосударственные суды признали право Центра действовать в его интересах и не в последнюю очередь длительный опыт Центра по представлению интересов лиц с ограниченными возможностями.

Центр также упомянул, что Европейский Суд адаптировал свои правила для обеспечения доступа к разбирательству жертвам, которым особенно трудно или даже невозможно соблюдать определенные критерии приемлемости в связи с факторами, находящимися вне их контроля, но связанными с обжалуемыми нарушениями: доказанные трудности жертв мер секретного наблюдения или уязвимость в силу таких факторов, как возраст, пол или инвалидность (см., например, Решение Комиссии по правам человека по делу "S.P., D.P. и A.T. против Соединенного Королевства" (S.P., D.P. and A.T. v. United Kingdom) от 20 мая 1996 г., жалоба N 23715/94, не опубликовано, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Шторк против Германии" (Storck v. Germany), жалоба N 61603/00, ECHR 2005-V, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Оджалан против Турции" (Öcalan v. Turkey), жалоба N 46221/99, ECHR 2005-IV).

Европейский Суд также отступал от правила "статуса жертвы" на основании "интересов прав человека", указывая, что его постановления направлены не только на разрешение дел, представленных на его рассмотрение, но в более общем смысле также на разъяснение, обеспечение и развитие правил, введенных [Конвенцией](#), чтобы тем самым способствовать соблюдению государствами обязательств, принятых ими в качестве Договаривающихся Сторон (Центр сослался на [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Карнер против Австрии" (Karner v. Austria), жалоба N 40016/98, § 26, ECHR 2003-IX).

Центр также указал, что государство имеет определенные обязанности в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции, например, независимо от наличия ближайших родственников или их готовности поддерживать разбирательство от имени заявителя. Кроме того, ставить надзор за соблюдением обязанностей в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции в зависимость от существования ближайших родственников было бы чревато риском несоблюдения требований [статьи 19](#) Конвенции.

88. Центр сослался на международную практику Межамериканской комиссии по правам человека и Африканской комиссии по правам человека и народов, которые при исключительных обстоятельствах допускали инициирование дел от имени предполагаемых потерпевших, если жертвы неспособны подать сообщение сами. Неправительственные правозащитные организации были среди наиболее активных правозащитников в таких ситуациях. Кроме того, их право обращаться в суд от имени или в поддержку таких жертв общепризнанно во многих государствах - членах Совета Европы (согласно докладу за 2011 год Агентства Европейского союза по фундаментальным правам "Доступ к правосудию в Европе: обзор проблем и возможностей").

89. Обращаясь к особенностям настоящего дела, Центр подчеркнул, что важным фактором для оценки вопроса о праве обращения является то, что его наблюдатели установили непродолжительный визуальный контакт с Кэмпенану во время их посещения РМН и видели его бедственное положение. В связи с этим Центр принял немедленные меры и обратился в различные органы, требуя разрешить его критическую ситуацию. В таком контексте длительный опыт Центра по защите прав лиц с ограниченными возможностями сыграл существенную роль.

Подчеркнув, что его право обращения было признано на внутригосударственном уровне, Центр утверждал, что Европейский Суд часто принимал во внимание национальные процессуальные правила о представительстве с целью решить, кто имеет право обратиться с жалобой в интересах лиц с ограниченными возможностями (он ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу "Гласс против Соединенного Королевства" (Glass v. United Kingdom), жалоба N 61827/00, ECHR 2004-II). Кроме того, Европейский Суд устанавливал нарушения в

делах, в которых внутригосударственные органы применяли процессуальные правила негибким образом, ограничивающим доступ к правосудию лиц с ограниченными возможностями (например, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Х и Y против Нидерландов" (X and Y v. Netherlands) от 26 марта 1985 г., Series A, N 91).

В этом контексте Центр отмечал, что инициативы, которые он предложил органам власти Румынии, существенно отличали его от неправительственной правозащитной организации, заявителя в недавнем деле "Ненчева и другие против Болгарии" (Nencheva and Others v. Bulgaria) ([Постановление](#) Европейского Суда от 18 июня 2013 г., жалоба N 48609/06) относительно смерти 15 детей и молодых лиц с ограниченными возможностями в доме социальной защиты. В этом деле, в целом признав, что могут потребоваться исключительные меры, чтобы обеспечить доступ к представительству лиц, не способных защищать себя самостоятельно, Европейский Суд отметил, что Ассоциация европейской интеграции и прав человека ранее не поддерживала дело на внутригосударственном уровне. Соответственно, Европейский Суд отклонил жалобу в данной части как несовместимую *ratione personae* с положениями [Конвенции](#) в отношении данной неправительственной правозащитной организации (там же, § 93).

90. Сославшись на комментарии Комиссара по правам человека Совета Европы о трудностях, с которыми лица с ограниченными возможностями сталкиваются при доступе к правосудию, а также об озабоченностях, высказанных специальным докладчиком ООН по вопросу пыток, относительно того, что практика злоупотреблений против лиц с ограниченными возможностями, изолированных в государственных учреждениях, часто "остается невидимой", Центр указал, что "интересы прав человека" требуют рассмотрения настоящего дела по существу.

Центр также перечислял несколько критериев, которые он считал полезными для определения права обращения Центра в делах, похожих на настоящее: уязвимость жертвы, влекущая потенциальную абсолютную неспособность жаловаться, практические или естественные препятствия, не позволяющие жертве исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты, такие как лишение свободы или неспособность связаться с адвокатом или близким родственником, характер нарушения, особенно в случае [статьи 2](#) Конвенции, когда прямая жертва была *ipso facto* не в состоянии выдать письменный формуляр доверенности третьим лицам, отсутствие адекватных институциональных механизмов, обеспечивающих эффективное представительство для жертвы, характер связи между обратившимся третьим лицом и прямой жертвой, благоприятные национальные нормы о праве обращения и порождают ли утверждения серьезные вопросы общей значимости.

91. С учетом вышеупомянутых критериев, и поскольку он действовал в интересах прямой жертвы, Кэмпану, до его смерти путем предъявления требования о его переводе из РМН и сразу после нее и на протяжении последующих четырех лет, добиваясь привлечения к ответственности за его смерть в судах Румынии, Центр утверждал, что он имел право возбудить дело в Европейском Суде.

Центр заключил, что непризнание права действовать от имени Кэмпану позволило бы властям Румынии воспользоваться неблагоприятными обстоятельствами, чтобы избежать контроля со стороны Европейского Суда, и блокировало бы доступ в Европейский Суд наиболее уязвимым членам общества.

(с) Объяснения третьих сторон

(i) Комиссар по правам человека Совета Европы

92. Комиссар по правам человека Совета Европы, вступление которого в разбирательство дела Европейским Судом было ограничено вопросом о приемлемости настоящей жалобы, указал, что доступ к правосудию лиц с ограниченными возможностями весьма проблематичен, особенно ввиду неадекватной правовой процедуры лишения дееспособности и ограничительных правил относительно права обращения. Поэтому частые злоупотребления, совершенные против лиц с ограниченными возможностями, обычно не доводятся до сведения властей и игнорируются, а для этих нарушений характерна обстановка безнаказанности. Чтобы предотвратить и положить конец подобным злоупотреблениям, неправительственные правозащитные организации играют важную роль, включая содействие доступу уязвимых лиц к правосудию. В этом контексте разрешение неправительственным правозащитным организациям подавать жалобы в Европейский Суд в интересах лиц с ограниченными возможностями полностью соответствовало бы принципу эффективности, содержащемуся в [Конвенции](#), а также тенденциям, существующим на внутригосударственном уровне во многих европейских странах, и прецедентной практике других международных судов, таких как Межамериканский суд по правам человека, который предоставляет право обращения неправительственным правозащитным организациям, действующим в интересах предполагаемых потерпевших, даже когда жертвы не назначили эти организации в качестве своих представителей (например, в деле "Ятама против Никарагуа" (*Yatama v. Nicaragua*) (предварительные возражения, существо жалобы, компенсация и издержки), Постановление от 23 июня 2005 г., Series C, N 127).

По мнению Комиссара по правам человека Совета Европы, строгий подход к праву обращения с требованиями относительно лиц с ограниченными возможностями (в данном деле интеллектуальными) имел бы нежелательный эффект лишения этой уязвимой группы возможности требовать и получать возмещение за нарушение их прав человека, что противоречит фундаментальным целям [Конвенции](#).

93. Комиссар по правам человека Совета Европы также указал, что при исключительных обстоятельствах, которые определяет Европейский Суд, должна существовать возможность подать жалобы в Европейский Суд в интересах определенных жертв, которые были прямо затронуты предполагаемым нарушением. Такие исключительные обстоятельства могли касаться крайне уязвимых жертв, например, лиц, содержащихся в психиатрических и социальных учреждениях, не имеющих семьи и альтернативных способов представительства, чьи жалобы, поданные в их интересах лицом или организацией, с которыми установлена достаточная связь, порождают важные вопросы, представляющие общий интерес.

Данный подход соответствовал бы европейской тенденции в направлении расширения права обращения и признания бесценного вклада, который вносят неправительственные правозащитные организации для защиты лиц с ограниченными возможностями. В то же время он также отвечал бы применимой прецедентной практике Европейского Суда, которая значительно развилась в последующие годы не в последнюю очередь вследствие вмешательства неправительственных правозащитных организаций.

(ii) Болгарский Хельсинкский комитет

94. Болгарский Хельсинкский комитет утверждал, что на основе его обширного опыта в качестве правозащитной неправительственной организации институционализированные лица с ограниченными возможностями лишены защиты уголовного права, если эти организации не выступают в их интересах с использованием юридических средств правовой защиты в

дополнение к публичной адвокатуре, и даже при подобных обстоятельствах практические результаты остаются недостаточными, поскольку сохраняется недостаток базового доступа к судам для таких жертв, которым в настоящее время часто отказывают в правосудии по процессуальным основаниям. В результате преступление против институционализированных лиц с психическими недостатками ограждено от исполнения законов, которые должны обеспечивать его предотвращение, наказание и возмещение.

(iii) Центр защиты прав лиц с нарушениями психического здоровья

95. Центр защиты прав лиц с нарушениями психического здоровья утверждал, что фактическая или правовая неспособность доступа к правосудию лиц с интеллектуальными недостатками, вопрос, уже рассмотренный Европейским Судом в некоторых его делах (например, в упоминавшемся выше [Постановлении](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Станев против Болгарии"), может в итоге повлечь безнаказанность за нарушения их прав. В ситуациях, в которых уязвимые жертвы лишены своей дееспособности и/или содержатся в государственных учреждениях, государства могут "избегать" ответственности за защиту их жизни путем неоказания им помощи в правовых вопросах, в том числе в защите их прав человека. Цитировалась прецедентная практика Верховного суда Канады, Верховного суда Ирландии и Высокого суда Англии и Уэльса, предоставляющая право обращения неправительственных правозащитных организаций в ситуациях, в которых больше никто не может выдвинуть вопрос публичного интереса в судах. Вышеупомянутые решения судов по вопросу права обращения неправительственных правозащитных организаций основаны прежде всего на оценке того, касается ли дело серьезного вопроса, имеет ли заявитель реальный интерес в возбуждении дела, опыт заявителя в затронутой сфере и имеются ли иные разумные и эффективные средства рассмотрения вопроса в судах.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Подход Европейского Суда в ранее рассмотренных делах, схожих с настоящим

(i) Прямые жертвы

96. Чтобы иметь возможность подать жалобу в соответствии со [статьей 34](#) Конвенции, лицо должно быть способно доказать, что оно "прямо затронуто" обжалуемой мерой (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Берден против Соединенного Королевства" (*Burden v. United Kingdom*), жалоба N 13378/05, § 33, ECHR 2008, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ильхан против Турции" (*Ilhan v. Turkey*), жалоба N 22277/93, § 52, ECHR 2000-VII). Это необходимо для приведения в действие конвенционного механизма, хотя данный критерий не должен применяться жестким, механическим и негибким образом во время разбирательства (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Карнер против Австрии", § 25, и [Решение](#) Европейского Суда по делу "Фэйрфилд и другие против Соединенного Королевства" (*Fairfield and Others v. United Kingdom*), жалоба N 24790/04, ECHR 2005-VI).

Кроме того, в соответствии с практикой Европейского Суда и со [статьей 34](#) Конвенции жалобы могут быть поданы только лицами, которые живы, или от их имени (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Варнава и другие против Турции" (*Varnava and*

Others v. Turkey), жалобы N 16064/90 - 16066/90, 16068/90 - 16073/90, § 111, ECHR 2009). Так, в ряде случаев, когда прямая жертва скончалась до подачи жалобы, Европейский Суд не признавал, что прямая жертва, даже если она имеет представителя, имеет право быть заявителем для целей [статьи 34](#) Конвенции (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Аиспуруа Ортис и другие против Испании" (Aizpurua Ortiz and Others v. Spain) от 2 февраля 2010 г., жалоба N 42430/05, § 30, Постановление Европейского Суда по делу "Дворачек и Дворачкова против Словакии" (Dvořáček and Dvořáková v. Slovakia) от 28 июля 2009 г., жалоба N 30754/04, § 41, и Решение Европейского Суда по делу "Кая и Полат против Турции" (Kaya and Polat v. Turkey) от 21 октября 2008 г., жалобы N 2794/05 и 40345/05).

(ii) Косвенные жертвы

97. Дела вышеупомянутого типа следует отличать от дел, в которых наследникам заявителя разрешалось поддерживать жалобу, которая уже была подана. Примером такого рода является дело Фэйрфилд и других (упоминавшееся выше), в котором дочь подала жалобу после смерти ее отца, ссылаясь на нарушение его прав на свободу мысли, религии и слова ([статьи 9 и 10](#) Конвенции). В то время как внутригосударственные суды разрешили Фэйрфилд подать жалобу после смерти ее отца, Европейский Суд не признал за дочерью статус жертвы и отличил это дело от ситуации, рассмотренной в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Далбан против Румынии" (Dalban v. Romania) (жалоба N 28114/95, ECHR 1999-VI), где жалоба была подана самим заявителем, вдова которого поддержала жалобу после его смерти.

В этом отношении Европейский Суд отличает жалобы, в которых прямая жертва скончалась после подачи жалобы в Европейский Суд, и те, в которых она скончалась ранее.

Если заявитель скончался после подачи жалобы, Европейский Суд признавал, что близкие родственники или наследники могут в принципе поддерживать жалобу, если они имеют достаточный интерес в деле (например, вдова и дети в делах "Раймондо против Италии" (Raimondo v. Italy), Постановление от 22 февраля 1994 г., § 2, Series A, N 281-A, и "Стойкович против Македонии" (Stojkovic v. the former Yugoslav Republic of Macedonia), Постановление от 8 ноября 2007 г., жалоба N 14818/02, § 25; родители в деле "Х против Франции" (X v. France), Постановление от 31 марта 1992 г., § 26, Series A, N 234-C; племянник и потенциальный наследник в Решении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Мальгоус против Чешской Республики" (Malhous v. Czech Republic), жалоба N 33071/96, ECHR 2000-XII; неженатый или фактический партнер в Решении Европейского Суда по делу "Великова против Болгарии" (Velikova v. Bulgaria), жалоба N 41488/98, ECHR 1999-V; противоположный пример в виде универсального наследника, не связанного с умершим, в [Решении](#) Европейского Суда по делу "Тевенон против Франции" (Thévenon v. France), жалоба N 2476/02, ECHR 2006-III; племянницы в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Леже против Франции" (**Léger** v. France) (прекращение производства по делу) от 30 марта 2009 г., жалоба N 19324/02, § 50; дочери одного из первоначальных заявителей в деле относительно непередаваемых прав в соответствии со [статьями 3 и 8](#) Конвенции, где отсутствовал всеобщий интерес, в Постановлении Европейского Суда по делу "М.Р. и другие против Болгарии" (M.P. and Others v. Bulgaria) от 15 ноября 2011 г., жалоба N 22457/08, §§ 96 - 100).

98. Однако складывается иная ситуация, когда прямая жертва умирает до подачи жалобы в Европейский Суд. В подобных делах Европейский Суд со ссылкой на автономное толкование понятия "жертва" готов был признать право родственника на подачу жалобы, либо при жалобах

на вопросы общего характера, относящиеся к "уважению прав человека" (пункт 1 статьи 37 Конвенции), когда заявители как наследники имеют законный интерес при подаче жалобы, либо на основании прямого влияния нарушения на собственные права заявителей (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Микаллеф против Мальты" (Micallef v. Malta), жалоба N 17056/06, §§ 44 - 51, ECHR 2009, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Мари-Луиз Луаен и Брюнеель против Франции" (Marie-Louise Loyen and Bruneel v. France) от 5 июля 2005 г., жалоба N 55929/00, §§ 21 - 31). Следует отметить, что последние дела были переданы в Европейский Суд после или в связи с внутригосударственным разбирательством, в котором при жизни участвовала сама прямая жертва.

Таким образом, Европейский Суд признавал право близкого родственника жертвы подавать жалобу, если жертва скончалась или исчезла при обстоятельствах, предположительно влекущих ответственность государства (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Чакиджи против Турции" (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба N 23657/94, § 92, ECHR 1999-IV, и [Решение](#) Европейского Суда по делу "Базоркина против Российской Федерации" (Bazorkina v. Russia) от 15 сентября 2005 г., жалоба N 69481/01).

99. В упоминавшемся выше деле "Варнава и другие против Турции" заявители подали жалобы от своего имени и от имени своих исчезнувших родственников. Европейский Суд не счел необходимым разрешать вопрос о том, следовало ли предоставить исчезнувшим лицам статус заявителей, поскольку в любом случае их близкие родственники имели право подать жалобы по поводу их исчезновения (см. § 112). Европейский Суд рассмотрел дело, исходя из того, что родственники исчезнувших лиц являлись заявителями для целей [статьи 34](#) Конвенции.

100. В делах, в которых предполагаемое нарушение [Конвенции](#) не было тесно связано с исчезновениями или смертью, вызывающими вопросы в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции, подход Европейского Суда был более ограничительным, как в [Решении](#) Европейского Суда по делу "Санлес Санлес против Испании" (Sanles Sanles v. Spain) (жалоба N 48335/99, ECHR 2000-XI), которое касалось запрета в содействии самоубийству. Европейский Суд указал, что права, на которые ссылалась заявительница в соответствии со [статьями 2, 3, 5, 8, 9 и 14](#) Конвенции, принадлежали к категории непередаваемых прав, и поэтому заключил, что заявительница, являвшаяся родственницей и наследницей, не могла считаться жертвой нарушения в интересах ее умершего родственника. Аналогичный вывод был сделан в отношении жалоб в соответствии со [статьями 9 и 10](#) Конвенции, поданных дочерью предполагаемого потерпевшего (см. упоминавшееся выше [Решение](#) Европейского Суда по делу "Фэйрфилд и другие против Соединенного Королевства").

В других делах со ссылками на [статьи 5, 6 или 8](#) Конвенции Европейский Суд придавал статус жертвы близким родственникам, разрешая им подавать жалобы, если они доказали наличие морального интереса в оправдании скончавшейся жертвы после признания виновности (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Нелькенбокхоф против Германии" (Nölkenbockhoff v. Germany) от 25 августа 1987 г., § 33, Series A, N 123, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Грэдинар против Республики Молдова" (Grădinar v. Moldova) от 8 апреля 2008 г., жалоба N 7170/02, §§ 95 и 97 - 98) или в защите собственной репутации и репутации семьи (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Брудницкая и другие против Польши" (Brudnicka and Others v. Poland), жалоба N 54723/00, §§ 27 - 31, ECHR 2005-II, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Армонене против Литвы" (Armonienė v. Lithuania) от 25 ноября 2008 г., жалоба N 36919/02, § 29, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу

"Поланко Торрес и Мовилья Поланко против Испании" (Polanco Torres and Movilla Polanco v. Spain) от 21 сентября 2010 г., жалоба N 34147/06, §§ 31 - 33), или если они доказали материальный интерес на основе прямого воздействия на их имущественные права (см. Постановление Европейского Суда по делу "Рессегатти против Швейцарии" (Ressegatti v. Switzerland) от 13 июля 2006 г., жалоба N 17671/02, §§ 23 - 25, и упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу "Мари-Луиз Луаен и Брюнеель против Франции", §§ 29 - 30, Постановление Европейского Суда по делу "Нелькенбокхоф против Германии", § 33, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Грэдинар против Республики Молдова", § 97, и [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Микаллеф против Мальты", § 48). Существование общего интереса, обуславливающего продолжение рассмотрения жалобы, также принималось во внимание (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу "Мари-Луиз Луаен и Брюнеель против Франции", § 29, Постановление Европейского Суда по делу "Рессегатти против Швейцарии", § 26, [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Микаллеф против Мальты", §§ 46 и 50, а также Постановление Европейского Суда по делу "Бич и другие против Турции" (Biç and Others v. Turkey) от 2 февраля 2006 г., жалоба N 55955/00, §§ 22 - 23).

КонсультантПлюс: примечание.

В тексте документа, видимо, допущена опечатка: имеется в виду Решение ЕСПЧ от 19.06.2012 по делу "Кабуров (Kaburov) против Болгарии" (жалоба N 9035/06).

Участие заявителя во внутригосударственном разбирательстве было признано лишь одним из нескольких относимых критериев (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Нелькенбокхоф против Германии", § 33, упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Микаллеф против Мальты", §§ 48 - 49, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Поланко Торрес и Мовилья Поланко против Испании", § 31, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Грэдинар против Республики Молдова", §§ 98 - 99, [Решение](#) Европейского Суда по делу "Кабуров против Болгарии" (Kaburov v. Bulgaria) от 19 июня 2012 г., жалоба N 19/06, §§ 52 - 53).

(iii) Потенциальные жертвы и actio popularis

101. [Статья 34](#) Конвенции не допускает абстрактных жалоб, указывающих на нарушение [Конвенции](#). [Конвенция](#) не предусматривает института actio popularis (см. Постановление Европейского Суда по делу "Класс и другие против Германии" (Klass and Others v. Germany) от 6 сентября 1978 г., § 33, Series A, N 28, Решение Европейского Суда по делу "Лейбористская партия Грузии против Грузии" (The Georgian Labour Party v. Georgia) от 22 мая 2007 г., жалоба N 9103/04, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Берден против Соединенного Королевства", § 33), что означает, что заявители не могут жаловаться на положение внутригосударственного законодательства, национальную практику или публичные акты только потому, что они представляются противоречащими [Конвенции](#).

Чтобы заявители могли утверждать, что являются жертвой, они должны представить разумные и убедительные доказательства вероятности того, что нарушение, затрагивающее их лично, произойдет, а сами по себе подозрение или догадка являются недостаточными в этом отношении (см. Решение Комиссии по правам человека по делу "Тауира и 18 других жалоб против Франции" (Tauira and 18 Others v. France) от 4 декабря 1995 г., жалоба N 28204/95, DR83-B, p. 112 at p. 131, и Постановление Европейского Суда по делу "Монна против

Швейцарии" (Monnat v. Switzerland), жалоба N 73604/01, §§ 31 - 32, ECHR 2006-X).

(iv) Представительство

102. Согласно последовательной прецедентной практике Европейского Суда (см. [§ 96](#) настоящего Постановления) жалобы могут быть поданы только лицами, которые живы, или в их интересах.

Если заявители предпочитают, чтобы их интересы были представлены в соответствии с [пунктом 1 правила 36](#) Регламента Суда, вместо того, чтобы самостоятельно подавать жалобу, [пункт 3 правила 45](#) Регламента Суда требует от них выдачи письменной доверенности, подписанной надлежащим образом. Для представителей важно продемонстрировать, что они получили конкретные и ясно выраженные инструкции от предполагаемой жертвы нарушения в значении [статьи 34](#) Конвенции, от имени которой они действуют в Европейском Суде (см. [Решение](#) Европейского Суда по делу "Пост против Нидерландов" (Post v. Netherlands) от 20 января 2009 г., жалоба N 21727/08, в отношении действительности полномочий представителя, см. Постановление Европейского Суда по делу "Алиев против Грузии" (Aliev v. Georgia) от 13 января 2009 г., жалоба N 522/04, §§ 44 - 49).

103. Однако конвенционные учреждения указывали, что особые доводы могут возникать в случае предполагаемых нарушений [статей 2, 3 и 8](#) Конвенции со стороны внутригосударственных органов.

Жалобы, поданные от имени потерпевшего(-их), даже в отсутствие действительной доверенности, ранее признавались приемлемыми для рассмотрения по существу. Особые аргументы требовались в связи с уязвимостью потерпевших в отношении возраста, пола или инвалидности, которые лишали их возможности подачи жалобы в Европейский Суд, надлежащим образом учитывались контакты между лицом, подавшим жалобу, и потерпевшим (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ильхан против Турции", [§ 55](#), где жалоба была подана заявителем от имени его брата, который подвергся жестокому обращению, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Y.F. против Турции" (Y.F. v. Turkey), жалоба N 24209/94, [§ 29](#), ECHR 2003-IX, где муж жаловался на то, что его жена принуждалась к прохождению гинекологического осмотра, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "S.P., D.P. и A.T. против Соединенного Королевства", где жалоба была подана адвокатом в интересах детей, которых он представлял во внутригосударственном разбирательстве и был назначен опекуном [ad litem](#) [<1>](#)).

[<1>](#) Ad litem (лат.) - для целей судопроизводства (примеч. переводчика).

Напротив, в [деле](#) Ненчевой и других (упоминавшемся выше, [§ 93](#)) Европейский Суд не признал статуса жертвы за ассоциацией-заявительницей, действовавшей в интересах прямых жертв, отметив, что она не вела это дело в судах страны и что обжалуемые факты не оказывали влияния на ее деятельность, поскольку ассоциация могла продолжать работу по достижению своих целей. Европейский Суд, признавая право обращения родственников некоторых жертв, тем не менее, оставлял открытым вопрос о представительстве жертв, которые не могли действовать самостоятельно, считая, что исключительные обстоятельства могут потребовать принятия чрезвычайных мер.

(b) Имел ли Центр право обращения в настоящем деле

104. Настоящее дело затрагивает высокоуязвимое лицо, не имевшее родственников, Кэмпану, молодого цыгана с тяжелой умственной отсталостью, который был заражен ВИЧ, провел всю жизнь под опекой государственных учреждений и умер в больнице предположительно в результате халатности. После его смерти и в отсутствие значимого контакта с ним при жизни (см. § 23 настоящего Постановления) или без получения доверенности или указаний от него или иного компетентного лица организация-заявительница (Центр) в настоящее время пытается представить Европейскому Суду жалобу, в том числе, относительно обстоятельств его смерти.

105. По мнению Европейского Суда, настоящее дело трудно отнести к какой-либо категории, охватываемой существующей прецедентной практикой, и поэтому оно порождает трудный вопрос толкования **Конвенции** относительно права Центра на обращение в суд. При рассмотрении данного вопроса Европейский Суд напоминает, что **Конвенция** и Протоколы к ней должны рассматриваться как гарантирующие права, которые являются практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными (см. Постановление Европейского Суда по делу "Артико против Италии" (Artico v. Italy) от 13 мая 1980 г., § 33, Series A, N 37, и упомянутые в нем примеры). Также следует иметь в виду, что постановления Европейского Суда "направлены не только на разрешение дел, представленных на его рассмотрение, но, в более общем смысле, на разъяснение, обеспечение и развитие правил, введенных **Конвенцией**, чтобы тем самым способствовать соблюдению государствами обязательств, принятых ими в качестве Договаривающихся Сторон" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 154, Series A, N 25, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Константин Маркин против Российской Федерации" (Konstantin Markin v. Russia), жалоба N 30078/06 <1>, § 89, ECHR 2012). В то же время Европейский Суд с учетом своей прецедентной практики о статусе жертвы и понятия "права на обращение" должен обеспечить, чтобы условия приемлемости, регулирующие доступ к нему, толковались последовательно.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. N 6 (примеч. редактора).

106. Европейский Суд считает неоспоримым, что Кэмпану являлся в значении **статьи 34** Конвенции прямой жертвой обстоятельств, которые в итоге повлекли его смерть и которые составляют суть основной жалобы, представленной в Европейский Суд в настоящем деле, а именно жалобы, поданной в соответствии со **статьей 2** Конвенции.

107. С другой стороны, Европейский Суд не может найти достаточно относимые основания, чтобы считать Центр косвенной жертвой в значении его прецедентной практики. Центр не продемонстрировал достаточно "тесную связь" с прямой жертвой, также не утверждалось, что он имеет "личный интерес" в поддержании жалобы в Европейском Суде с учетом определения этих понятий в прецедентной практике Европейского Суда (см. §§ 97 - 100 настоящего Постановления).

108. При жизни Кэмпану не возбуждал разбирательство во внутригосударственных судах с целью обжаловать свою медицинскую и правовую ситуацию. Хотя он формально считался полностью дееспособным лицом, очевидно, что на практике с ним обращались как с недееспособным (см. §§ 14 и 16 настоящего Постановления). В любом случае ввиду его крайней

уязвимости Европейский Суд полагает, что Кэмпеану не мог возбудить подобное разбирательство самостоятельно, в отсутствие надлежащей правовой поддержки и консультации. Таким образом, он находился в совершенно ином и менее благоприятном положении, чем лица в ранее рассматриваемых Европейским Судом делах. Эти заинтересованные лица являлись дееспособными, или, по крайней мере, им не препятствовали в возбуждении разбирательства при их жизни (см. §§ 98 и 100 настоящего Постановления), и от их имени жалобы были поданы после их смерти.

109. После смерти Кэмпеану Центр возбудил различные внутригосударственные разбирательства, направленные на выяснение обстоятельств, повлекших его смерть и сопровождавших ее. Наконец, когда расследования заключили, что смерть Кэмпеану не была связана с уголовными правонарушениями, Центр подал настоящую жалобу в Европейский Суд.

110. Европейский Суд придает существенное значение тому факту, что ни право Центра действовать в интересах Кэмпеану, ни его высказывания от его имени во внутригосударственных медицинских и судебных органах не ставились под сомнение (см. §§ 23, 27 - 28, 33, 37 - 38 и 40 - 41 настоящего Постановления). Таким образом, данные инициативы, которые обычно относятся к обязанностям опекуна или представителя, предпринимались Центром в отсутствие возражений со стороны других органов, которые согласились с этими процедурами и рассматривали все поданные им жалобы.

111. Европейский Суд также учитывает, как указывалось выше, что во время его смерти Кэмпеану не имел известных близких родственников и что, когда он достиг совершеннолетия, государство не назначило ему компетентное лицо или опекуна, чтобы заботиться о его интересах, с правовой или иной точки зрения, несмотря на требование законодательства об этом. На внутригосударственном уровне Центр был привлечен в качестве представителя незадолго до его смерти, когда Кэмпеану явно не был способен выражать любые желания или мнения относительно его потребностей и интересов, не говоря об использовании любых средств правовой защиты. В связи с уклонением властей от назначения опекуна или иного представителя никакая другая форма представительства не была предоставлена или не сделана доступной для его защиты или высказывания заявлений от его имени администрации больницы, судам Румынии и Европейскому Суду (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу "Р., С. и S. против Соединенного Королевства" (Р., С. and S. v. United Kingdom) от 11 декабря 2001 г., жалоба N 56547/00, и упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "В. против Румынии (N 2)", §§ 96 - 97). Также существенно, что основная жалоба в соответствии с [Конвенцией](#) затрагивает права, предусмотренные [статьей 2](#) Конвенции (право на жизнь), которые Кэмпеану, являясь прямой жертвой, явно не мог защищать по причине своей смерти.

112. На этом фоне Европейский Суд признает, что при исключительных обстоятельствах настоящего дела и с учетом серьезного характера утверждений Центр должен иметь право поддерживать жалобу в качестве представителя Валентина Кэмпеану, хотя он и не имеет выданной им доверенности, и Кэмпеану скончался до подачи жалобы в соответствии с [Конвенцией](#). Иное означало бы воспрепятствование рассмотрению на международном уровне серьезных утверждений о нарушении [Конвенции](#) с угрозой того, что государство-ответчик может избежать конвенционной ответственности в результате уклонения от назначения представителя, который действовал бы от его имени, как это требовалось в соответствии с внутригосударственным законодательством (см. §§ 59 - 60 настоящего Постановления, а также, *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу "Р., С. и S. против Соединенного Королевства", и Постановление Европейского Суда по делу "Коллегия правовых

консультантов Арджеш против Румынии" (The Argeş College of Legal Advisers v. Romania) от 8 марта 2011 г., жалоба N 2162/05, § 26). Разрешение государству-ответчику избегать ответственности таким способом не соответствовало бы общему духу Конвенции и обязательству Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии со [статьей 34](#) Конвенции не препятствовать каким-либо способом эффективному осуществлению права на подачу жалобы в Европейский Суд.

113. Предоставление Центру права действовать в качестве представителя Кэмпеану является подходом, согласующимся с его применением к праву на судебную проверку в соответствии с [пунктом 4 статьи 5](#) Конвенции относительно "душевнобольных" ([подпункт "е" пункта 1 статьи 5](#) Конвенции). В этом контексте можно напомнить важность того, чтобы заинтересованное лицо имело доступ к суду и возможность быть заслушанным лично или при необходимости через какую-то форму представительства, в отсутствие чего ему не были бы предоставлены "фундаментальные гарантии процедуры, применимые в вопросах лишения свободы" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Де Вилде, Омс и Версип против Нидерландов" (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., § 76, Series A, N 12). Психическое заболевание может повлечь ограничение или изменение способа осуществления такого права (см. Постановление Европейского Суда по делу "Голдер против Соединенного Королевства" (Golder v. United Kingdom) от 21 февраля 1975 г., § 39, Series A, N 18), но не может оправдать умаление самого существа этого права. Действительно, специальные процессуальные гарантии могут потребоваться для защиты интересов лиц, которые ввиду умственной отсталости не способны полностью действовать в своих интересах (см. Постановление Европейского Суда по делу "Винтерверп против Нидерландов" (Winterwerp v. Netherlands) от 24 октября 1979 г., § 60, Series A, N 33). Фактическое воспрепятствование может противоречить Конвенции, как и правовое препятствие (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Голдер против Соединенного Королевства", § 26).

114. Соответственно, Европейский Суд отклоняет возражение властей Румынии относительно отсутствия права обращения Центра с точки зрения права последнего на обращение как фактического представителя Кэмпеану.

Европейский Суд также отмечает, что жалоба в этой части не является явно необоснованной в значении [подпункта "а" пункта 3 статьи 35](#) Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Объяснения в Европейском Суде

(а) Центр

115. Центр утверждал, что в результате неоправданных решений относительно перевода Кэмпеану в учреждения, не имеющие требуемых навыков и возможностей для борьбы с его состоянием, усугубленных нецелесообразными медицинскими действиями или бездействием, власти прямо или косвенной способствовали его преждевременной смерти.

Центр подчеркнул, что, хотя медицинские обследования Кэмпеану в течение нескольких месяцев, предшествовавших его поступлению в CMSC, а впоследствии в РМН,

свидетельствовали о его "в целом хорошем состоянии" при отсутствии серьезных проблем со здоровьем, его здоровье резко ухудшилось в последние две недели перед смертью, в период, когда он находился под наблюдением властей. В соответствии с обширной прецедентной практикой Европейского Суда по [статье 2](#) Конвенции, относимой к настоящему делу, государство должно дать объяснения относительно оказанной медицинской помощи и причины смерти Кэмпану (Центр ссылался в числе других примеров на Постановление Европейского Суда по делу "Кац и другие против Украины" (Kats and Others v. Ukraine) от 18 декабря 2008 г., жалоба N 29971/04, § 104, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Додов против Болгарии" (Dodov v. Bulgaria) от 17 января 2008 г., жалоба N 59548/00, § 81, Постановление Европейского Суда по делу "Алексян против Российской Федерации" (Aleksanyan v. Russia) от 22 декабря 2008 г., жалоба N 46468/06, § 147 [<1>](#), Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации" (Khudobin v. Russia) от 26 октября 2006 г., жалоба N 59696/00, § 84 [<2>](#), и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Z.H. против Венгрии" (Z.H. v. Hungary) от 8 ноября 2012 г., жалоба N 28973/11, §§ 31 - 32).

[<1>](#) См.: Российская хроника Европейского Суда. 2011. N 1 (примеч. редактора).

[<2>](#) См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. N 11 (примеч. редактора).

Это обязательство не было исполнено властями Румынии, которые, с одной стороны, не предоставили важные медицинские документы относительно Кэмпану, а, с другой стороны, представили в Европейский Суд копию медицинской карты, охватывавшей нахождение пациента в РМН, где была изменена важная информация. В то время как в оригинальной медицинской карте, предоставленной на различных стадиях внутригосударственного разбирательства, не упоминалась выдача антиретровирусных средств Кэмпану, в новом документе, написанном другим почерком, содержались ссылки на выдачу антиретровирусных препаратов, что позволяло предположить, что такие лекарства выдавались пациенту. Поскольку власти Румынии ссылались на новый документ, чтобы оспорить в Европейском Суде объяснения Центра относительно отсутствия антиретровирусного лечения (см. [§ 122](#) настоящего Постановления), Центр указал, что данный документ, по-видимому, был подготовлен впоследствии в поддержку доводов властей Румынии в Европейском Суде.

116. Центр также отметил, что несколько документов, представленных по делу, особенно в связи с визитами ЕКПП, доказывают, что власти определенно сознавали неудовлетворительные условия проживания, в обеспечении ухода и оказания лечения в РМН до 2004 года и даже в период, относящийся к обстоятельствам дела (см. [§§ 47, 74 и 78](#) настоящего Постановления).

117. Уклонение от обеспечения адекватного ухода и лечения Кэмпану подтверждалось весьма неудовлетворительно составленными медицинскими документами и ненадлежащим образом задокументированными последовательными переводами пациента между различными больничными учреждениями. Данные недостатки важны, поскольку очевидно, что состояние здоровья пациента ухудшалось в соответствующий период и, таким образом, требовалось его экстренное лечение. Также, как упоминалось выше, хотя лечение пациента антиретровирусными средствами прекратилось во время его короткого нахождения в CMSC, вполне вероятно, что во время пребывания в РМН Кэмпану также не получал никаких антиретровирусных средств. В то же время несмотря на то, что требовалось проведение ряда медицинских тестов, они не были выполнены. Официальное расследование не смогло прояснить такие ключевые аспекты дела,

хотя это могло дать убедительные объяснения предполагаемого психотического поведения пациента, такие как септицемия или его принудительное содержание в отдельном помещении.

С учетом вышеизложенного Центр утверждал, что материально-правовые обязательства в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции явно не были исполнены властями государства-ответчика.

118. Центр также считал, что условия проживания в РМН и помещение пациента в отдельное помещение составляли отдельное нарушение требований [статьи 3](#) Конвенции.

Достоверные доказательства, имеющиеся в деле, включая документы, исходящие от властей Румынии, таких как Правительство, Прокуратура при Верховном суде, Национальный институт судебной медицины или персонал самой РМН, подтверждают неудовлетворительные условия в РМН в период, относящийся к обстоятельствам дела, особенно относящиеся к отсутствию питания, отопления и наличию инфекционных заболеваний.

Не оспаривалось, что Кэмпану содержался один в отдельном помещении. Наблюдатели Центра отметили во время их первого посещения РМН, что пациент не был одет надлежащим образом, комната была холодной, а персонал отказывался оказывать ему поддержку в удовлетворении его основных личных потребностей. В то время как власти Румынии утверждали, что эта мера была принята в отсутствие намерения дискриминации пациента, они не представили сколько-нибудь убедительного обоснования этого довода. Утверждение о том, что данная комната являлась единственным доступным пространством, опровергалось многочисленными сообщениями, свидетельствующими о том, что больница в тот период не функционировала в полную силу.

119. Центр утверждал, что официальное расследование, проведенное по делу, не отвечало требованиям [Конвенции](#) по следующим причинам: его пределы были слишком узкими, охватывая только двух врачей, одного - из СМСС, а другого - из РМН, в то время как иной персонал или другие причастные учреждения игнорировались; анализировались только непосредственная причина смерти и период, предшествовавший ей; и власти своевременно не собрали существенные доказательства или не выяснили оспариваемые факты, включая причину смерти в деле. Уклонение от проведения вскрытия сразу после смерти пациента и неоказание медицинской помощи были недостатками, подчеркнутыми в решении суда первой инстанции, которое, однако, было отменено апелляционным судом.

Центр указал в заключение, что расследование не отвечало требованиям, предъявляемым [статьями 2](#) и [3](#) Конвенции, поскольку в ходе него не были установлены факты, причина смерти Кэмпану, а виновные лица не были наказаны.

120. Центр утверждал, что в случае с лицами с ограниченными возможностями, которые содержались в государственных учреждениях, [статья 13](#) Конвенции требовала от государств принимать позитивные меры для обеспечения того, чтобы эти лица имели доступ к правосудию, включая создание независимого мониторингового механизма, способного принимать жалобы по подобным вопросам, расследовать злоупотребления, применять санкции или направлять дело в надлежащий орган.

121. Центр отмечал, что в нескольких предыдущих делах против Румынии Европейский Суд установил нарушение в связи с отсутствием адекватных средств правовой защиты для лиц с ограниченными возможностями, подавших жалобы в соответствии со [статьями 3](#) или [5](#) Конвенции (он ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу "Филип против

Румынии" (Filip v. Romania) от 14 декабря 2006 г., жалоба N 41124/02, § 49, упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "С.В. против Румынии", §§ 65 - 67, Постановление Европейского Суда по делу "Парасчинети против Румынии" (Parascineti v. Romania) от 13 марта 2012 г., жалоба N 32060/05, §§ 34 - 38, и упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "В. против Румынии", § 97).

Аналогичные выводы следуют из последовательной документации, поступающей от международных неправительственных правозащитных организаций, таких как "Хьюман райтс уотч" (Human Rights Watch) или Международной организации в защиту прав лиц с умственной отсталостью (Mental Disability Rights International), и сам Центр также сообщал об отсутствии гарантий против жестокого обращения и том факте, что содержащиеся в психиатрических учреждениях лица обычно не осведомлены о своих правах, а персонал не подготовлен к работе с жалобами о злоупотреблениях.

Центр также отмечал, что, насколько ему известно, несмотря на весьма достоверные утверждения относительно подозрительных смертей в психиатрических учреждениях, представитель персонала никогда не привлекался окончательным решением к уголовной или гражданской ответственности в связи с этими смертями. В отношении 129 смертей, о которых сообщалось в РМН в период 2002 - 2004 годов, уголовные расследования не повлекли выводов о правонарушении, решения не предъявлять обвинения были впоследствии поддержаны судами.

В заключение, правовая система Румынии не располагала эффективными средствами правовой защиты в значении [статьи 13](#) Конвенции в отношении лиц с умственной отсталостью, а конкретно относительно прав Кэмпану, защищенных [статьями 2 и 3](#) Конвенции.

(b) Власти Румынии

122. Власти Румынии утверждали, что, поскольку ВИЧ является весьма серьезным прогрессирующим заболеванием, тот факт, что Кэмпану скончался от него, сам по себе не доказывал, что эта смерть была вызвана недостатками в медицинской системе.

Кроме того, отсутствовали доказательства, свидетельствующие о том, что власти не обеспечивали Кэмпану антиретровирусное лечение. Напротив, власти Румынии предоставили копию медицинской карты пациента из РМН, подтверждающую, что он получал требуемое антиретровирусное лечение во время нахождения в больнице.

Заключение дисциплинарного органа медицинской ассоциации также подтвердило адекватность лечения Кэмпану (см. [§ 35](#) настоящего Постановления). Следовательно, по делу требования материально-правового аспекта [статьи 2](#) Конвенции нарушены не были.

123. В соответствии со [статьей 3](#) Конвенции власти Румынии утверждали, что в CMSC и РМН общие условия (гигиена, питание, отопление и человеческие ресурсы) были адекватными и отвечали стандартам, действовавшим в период, относящийся к обстоятельствам дела.

Медицинская помощь, оказанная Кэмпану, была целесообразной при его состоянии здоровья. Кэмпану поступил в CMSC, когда он находился "в целом в хорошем состоянии здоровья", и был переведен в РМН, когда начались "вспышки ярости". Пациент был помещен в отдельную комнату в РМН не с целью его изоляции, а потому что имелась только одна свободная комната. Несмотря на лечение в виде внутривенного кормления, пациент скончался 20 февраля 2004 г. от сердечно-дыхательной недостаточности.

В этом контексте власти Румынии утверждали, что ввиду короткого периода нахождения Кэмпеану в РМН [статья 3](#) Конвенции не была применима в отношении материальных условий в больнице.

124. Власти Румынии настаивали, что уголовно-правовые жалобы, поданные Центром в связи с обстоятельствами смерти Кэмпеану, были тщательно рассмотрены внутригосударственными органами, судами, комиссиями или следственными органами, которые привели подробные и убедительные мотивы своих решений. Таким образом, не могла возникнуть ответственность государства в соответствии со [статьями 2](#) или [3](#) Конвенции.

125. В отношении [статьи 13](#) Конвенции власти Румынии отмечали, что, поскольку эта жалоба связана с другими жалобами, предъявленными Центром, не требуется ее отдельное рассмотрение, и в любом случае жалоба на нарушение данной [статьи](#) является необоснованной.

В качестве альтернативы власти Румынии указывали, что внутригосударственное законодательство предусматривало эффективные средства правовой защиты в значении [статьи 13](#) Конвенции для претензий, выдвинутых в жалобе.

Власти Румынии отмечали, что обращение к омбудсмену Румынии являлось одним из доступных средств правовой защиты. Согласно статистической информации, доступной на интернет-сайте омбудсмана, последний участвовал в нескольких делах по поводу предполагаемых нарушений прав человека в период с 2003 по 2011 год.

Сославшись на два внутригосударственных решения, представленных в качестве доказательства по требованию Европейского Суда, власти Румынии утверждали, что, рассматривая дела с участием лиц с умственной отсталостью, суды Румынии действовали весьма серьезно и регулярно выносили решения по существу.

126. Конкретнее относительно [статьи 2](#) Конвенции власти Румынии отмечали, что ситуация в РМН существенно улучшилась после жалоб на условия проживания и лечения в указанной больнице. В этом отношении жалоба, по-видимому, составляла эффективное средство правовой защиты с точки зрения конвенционных стандартов.

Со ссылкой на [статью 3](#) Конвенции власти Румынии полагали, что Центр мог также предъявить иск о компенсации за халатность медицинских работников.

По вышеизложенным причинам власти Румынии считали, что Кэмпеану лично или за счет представительства располагал различными эффективными средствами правовой защиты по каждой части жалобы, поэтому жалоба в соответствии со [статьей 13](#) Конвенции является неприемлемой для рассмотрения по существу.

(с) Вступившие в дело третьи стороны

(i) Центр защиты прав лиц с нарушениями психического здоровья

127. Центр защиты прав лиц с нарушениями психического здоровья (Mental Disability Advocacy Center) утверждал, что случаи угрожающих жизни условий в учреждениях, где размещаются дети с умственной отсталостью или ВИЧ, фиксируются по всей Европе,

сообщается, что больных детей пытаются не принимать в больницы независимо от тяжести их состояния и что их оставляют умирать в этих учреждениях. В своем докладе о правах человека в Румынии за 2009 год госдепартамент США обратил внимание на сохранение неудовлетворительных условий в РМН со ссылкой на переполненность, нехватку персонала и лекарств, плохую гигиену и распространенное использование успокаивающих средств и сдерживания.

Со ссылкой на международную прецедентную практику о праве на жизнь (например, Решения Межамериканского суда по правам человека по делам "Дети улиц" (Вильягран-Моралес и другие) против Гватемалы" (The Street Children (Villagrán-Morales and Others) v. Guatemala) (существо дела), от 19 ноября 1999 г., Series C, N 63, относительно пяти детей, которые жили на улицах, и "Веласкес Родригес против Гондураса" (Velásquez Rodríguez v. Honduras) (существо дела), от 29 июля 1988 г., Series C, N 4), Центр защиты прав лиц с нарушениями психического здоровья утверждал, что обязанность государства защищать жизнь включает обеспечение необходимой медицинской помощью, принятие необходимых мер и имплементации механизмов, способных осуществлять мониторинг, расследование и преследование виновных. В то же время жертвам должна быть предоставлена эффективная или практическая возможность искать защиту их права на жизнь. Непредоставление государством такой возможности крайне уязвимым лицам при жизни не должно повлечь безнаказанность государства после их смерти.

(ii) Еврорегиональный центр публичных инициатив

128. Еврорегиональный центр публичных инициатив утверждал, что в Румынии одна из крупнейших в Центральной и Восточной Европе группа лиц, зараженных ВИЧ, в основном потому, что с 1986 по 1991 год примерно 10 000 детей, содержащихся в публичных больницах и детских домах, были подвержены рискам передачи ВИЧ через многократное использование игл и микротрансфузии непроверенной крови. В декабре 2004 года были зарегистрированы 7 088 случаев СПИД и 4 462 случая ВИЧ-инфекции, зарегистрированных у детей. Из них 3 482 ребенка скончались от СПИДа к концу 2004 года.

Еврорегиональный центр публичных инициатив утверждал, что высокий уровень ВИЧ-инфекции среди детей объяснялся обращением, которому они подвергались в детских домах и больницах, ввиду того факта, что дети-инвалиды считались "безнадежными" и "непродуктивными", и потому, что персоналу не хватало квалификации и заинтересованности в оказании им надлежащей медицинской помощи.

Еврорегиональный центр публичных инициатив ссылался на тот факт, что в 2003 году Комитет ООН по правам ребенка выражал озабоченность по поводу того, что антиретровирусное лечение было доступно лишь ограниченному кругу лиц в Румынии, и оно обычно прерывалось из-за отсутствия средств. Кроме того, даже в конце 2009 года запас антиретровирусных средств был скудным по причине недостатка средств в Национальном фонде страхования здравоохранения и ненадлежащего управления национальной программы по борьбе с ВИЧ.

Еврорегиональный центр публичных инициатив также отмечал, что, когда люди, имевшие ВИЧ, проживали в закрытых учреждениях или больницах в течение длительного периода, их доступ к антиретровирусным средствам сильно зависел от мер, принимаемых учреждением для получения запасов от врача-инфекциониста, у которого был зарегистрирован пациент. ВИЧ-инфицированные пациенты обычно не имели информации, в которой нуждались для защиты своих законных прав на доступные медицинские услуги.

В 2009 году Комитет ООН по правам ребенка выразил озабоченность по поводу того, что дети, зараженные ВИЧ, часто испытывают трудности в получении доступных услуг.

Что касается конкретного случая людей, живущих с ВИЧ, которые также страдали от проблем с психическим здоровьем, Еврорегиональный центр публичных инициатив утверждал, что психиатрические больницы иногда отказывались лечить ВИЧ-положительных детей и подростков из страха заражения. Он ссылаясь на документ "Хьюман райтс уотч" 2007 года, сообщавший о таких ситуациях ("Жизнь не ждет. Уклонение Румынии от защиты и поддержки детей и молодежи, живущих с ВИЧ" (Life Doesn't Wait. Romania's Failure to Protect and Support Children and Youth Living with HIV)).

(iii) "Хьюман райтс уотч"

129. "Хьюман райтс уотч" ссылаясь в своих письменных объяснениях на выводы Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам в том смысле, что медицинские учреждения и услуги должны быть доступны всем лицам, особенно наиболее уязвимой части населения, и что уклонение властей от оказания таких услуг, включая отсутствие внутригосударственной политики в сфере здравоохранения, направленной на обеспечение права на здоровье каждому, плохое управление при распределении имеющихся ресурсов и непринятие мер по снижению детской и материнской смертности.

2. Мнение Европейского Суда

(а) По поводу соблюдения [статьи 2](#) Конвенции

(i) Общие принципы

130. Первое предложение [пункта 1 статьи 2](#) Конвенции предписывает государству не только воздерживаться от намеренного и незаконного лишения жизни, но и принимать необходимые меры для защиты жизни лиц, относящихся к его юрисдикции (см. Постановление Европейского Суда по делу "L.C.B. против Соединенного Королевства" (L.C.B. v. United Kingdom) от 9 июня 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-III, § 36).

Позитивные обязательства в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции должны толковаться как применяемые в контексте любой деятельности, общественной или нет, в которой может быть затронуто право на жизнь. Так обстоит дело, например, в сфере здравоохранения в отношении действий или бездействия медицинских работников (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Додов против Болгарии", §§ 70, 79 - 83 и 87, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Во против Франции" (Vo v. France), жалоба N 53924/00, §§ 89 - 90, ECHR 2004-VIII, с дополнительными отсылками), государства должны устанавливать правила, обязывающие больницы, публичные или частные, принимать адекватные меры для защиты жизни своих пациентов (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кальвелли и Чильо против Италии" (Calvelli and Ciglio v. Italy), жалоба N 32967/96, § 49, ECHR 2002-I). Это тем более применимо, если способность пациентов ухаживать за собой ограничена (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Додов против Болгарии", § 81) в отношении управления опасной деятельностью (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Енерылдыз против Турции" (Öneryıldız v. Turkey), жалоба N 48939/99, § 71, ECHR 2004-XII), школьной администрации, которая должна защищать

здоровье и благополучие учеников, в частности, детей, которые особенно уязвимы и находятся под ее исключительным контролем (см. Постановление Европейского Суда от 10 апреля 2012 г. по делу "Ильбеи Кемалолу и Мерие Кемалолу против Турции" (*İlbeyi Kemalolu and Meriye Kemalolu v. Turkey*), жалоба N 19986/06, § 35), или, аналогично, в отношении медицинской помощи и ухода за детьми, содержащимися в государственных учреждениях (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Ненчева и другие против Болгарии", §§ 105 - 116).

Позитивное обязательство возникает, если установлено, что власти знали или должны были знать в соответствующий момент времени о наличии реальной и непосредственной угрозы для жизни определенного лица, и что они не приняли мер в пределах своих полномочий, которых, по разумной оценке, можно было ожидать для устранения этой угрозы (см. Постановление Европейского Суда по делу "А. и другие против Турции" (*A. and Others v. Turkey*) от 27 июля 2004 г., жалоба N 30015/96, §§ 44 - 45).

131. С учетом значения защиты, предусмотренной [статьей 2](#) Конвенции, Европейский Суд обязан подвергать лишение жизни наиболее тщательной проверке, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и власти обязаны защищать их. Если власти решают поместить или продолжать содержать под стражей лицо с ограниченными возможностями, они должны продемонстрировать особую заботу для гарантии таких условий, которые соответствуют особым потребностям, вытекающим из инвалидности лица (см. Постановление Европейского Суда по делу "Ясинскис против Латвии" (*Jasinskis v. Latvia*) от 21 декабря 2010 г., жалоба N 45744/08 [<1>](#), § 59, с дополнительными отсылками). В более широком смысле Европейский Суд указывал, что государства имеют обязанность принимать конкретные меры для обеспечения эффективной защиты уязвимых лиц от жестокого обращения, о котором власти были или должны были быть осведомлены (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Z и другие против Соединенного Королевства" (*Z and Others v. United Kingdom*), жалоба N 29392/95, [§ 73](#), ECHR 2001-V). Следовательно, если лицо заключено под стражу, будучи здоровым, но впоследствии оно умирает, государство должно предоставить удовлетворительные и убедительные объяснения событий, повлекших его смерть (см. Постановление Европейского Суда по делу "Карабуля против Румынии" (*Carabulea v. Romania*) от 13 июля 2010 г., жалоба N 45661/99, § 108) и предъявить доказательства, ставящие под сомнение утверждения жертвы, особенно если они подкрепляются медицинскими документами (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Селмуни против Франции" (*Selmouni v. France*), жалоба N 25803/94, [§ 87](#), ECHR 1999-V, и Постановление Европейского Суда по делу "Абдюльсамет Яман против Турции" (*Abdülşamet Yaman v. Turkey*) от 2 ноября 2004 г., жалоба N 32446/96, § 43).

<1> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. N 8 (примеч. редактора).

При оценке доказательств Европейский Суд применяет стандарт доказывания "вне всякого разумного сомнения". Однако доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций (см. Постановление Европейского Суда по делу "Орхан против

Турции" (Orhan v. Turkey), жалоба N 25656/94 <1>, § 264, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom), § 161).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. N 8 (примеч. редактора).

132. Обязанность государства охранять право на жизнь также должна рассматриваться как включающая принятие разумных мер для обеспечения безопасности людей в общественных местах и в случае серьезных травм или смерти при наличии эффективной независимой судебной системы обеспечения доступности правовых средств, способствующих установлению фактов, привлечения к ответственности виновных и предоставления соответствующего возмещения потерпевшим (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Додов против Болгарии", § 83).

Эта обязанность не требует с необходимостью предоставления уголовно-правового средства правовой защиты в каждом деле. Например, в отношении медицинской халатности обязательство может быть исполнено, если правовая система предоставляет потерпевшим средство правовой защиты в судах по гражданским делам как таковое или во взаимосвязи со средством правовой защиты в судах по уголовным делам. Однако обязательство государства с точки зрения [статьи 2](#) Конвенции не будет исполнено, если защита, предусмотренная внутригосударственным законодательством, существует только теоретически, кроме того, она должна действовать эффективно на практике, что требует безотлагательного рассмотрения дела без необязательных задержек (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кальвелли и Чильо против Италии", § 53).

133. С другой стороны, национальные власти ни при каких условиях не должны допускать, чтобы преступления, представляющие собой угрозу жизни, оставались безнаказанными. Это имеет принципиальное значение для поддержания общественного доверия к их приверженности верховенству права и исключения любых признаков сговора или терпимости к незаконным действиям (см., mutatis mutandis, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Николова и Величкова против Болгарии" (Nikolova and Velichkova v. Bulgaria) от 20 декабря 2007 г., жалоба N 7888/03, § 57). Задача Европейского Суда, таким образом, заключается в рассмотрении того, принимали ли и в какой мере внутригосударственные власти решения в ходе уголовного разбирательства после тщательного изучения в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции, чтобы не умалялся сдерживающий эффект действующей судебной системы и обеспечивались рассмотрение и устранение нарушений права на жизнь (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Енерилдыз против Турции", § 96).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(альфа) Материально-правовой аспект

134. Ссылаясь на обстоятельства дела, Европейский Суд прежде всего отметил, что Кэмпану всю свою жизнь прожил под контролем властей: он вырос в детском доме после того, как был брошен при рождении, а позднее он был переведен в центр размещения, затем 20 февраля 2004 г. - в CMSC, где он преждевременно умер.

135. На всем протяжении этих стадий после достижения Кэмпану 18-летнего возраста ему

не назначался опекун, постоянный или временный. Таким образом, презюмировалось, что он обладал полной дееспособностью, несмотря на тяжелую умственную отсталость.

Если бы это действительно было так, то Европейский Суд отмечает, что способ рассмотрения дела Кэмпану медицинскими органами противоречил требованиям Закона о психическом здоровье в отношении пациентов с полной дееспособностью: не было получено согласие пациента на последовательные переводы из одного медицинского учреждения в другое после достижения им 18 лет, он не давал согласия на госпитализацию в РМН, психиатрическое учреждение, пациент не был информирован или не получал консультаций относительно медицинской помощи, которая будет ему оказана, он также не был информирован о возможности обжаловать любые вышеизложенные меры. Оправдание властей заключалось в том, что пациент "не стал бы сотрудничать" или "было невозможно с ним общаться" (см. §§ 14 и 16 настоящего Постановления).

В этом контексте Европейский Суд напоминает, что в деле "В. против Румынии" (упоминавшемся выше, §§ 93 - 98) он выявил серьезные недостатки в способе имплементации положений Закона о психическом здоровье властями в отношении уязвимых пациентов, которые были оставлены без какой-либо правовой помощи или защиты, когда они были госпитализированы в психиатрические учреждения в Румынии.

136. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что решения внутригосударственных органов о переводе Кэмпану и его помещении, во-первых, в CMSC, а позднее в РМН были основаны прежде всего на готовности учреждения принять пациента, а не на том, где он смог бы получать адекватную медицинскую помощь и поддержку (см. §§ 12 - 13 настоящего Постановления). В этой связи Европейский Суд не может игнорировать тот факт, что Кэмпану был сначала помещен в CMSC, учреждение, не приспособленное для пребывания пациентов с психическими проблемами, и был в итоге переведен в РМН, несмотря на тот факт, что больница ранее отказывалась принять его на том основании, что она не имела необходимой инфраструктуры для лечения ВИЧ (см. § 11 настоящего Постановления).

137. Европейский Суд отмечает, что переводы Кэмпану из одного учреждения в другое проводились при отсутствии надлежащего диагноза и последующего ухода и с полным пренебрежением его действительным состоянием здоровья и его самыми базовыми нуждами. Особо следует указать на уклонение властей от обеспечения надлежащего осуществления антиретровирусного лечения пациента прежде всего путем непредоставления ему лекарств в первые несколько дней нахождения в CMSC, а впоследствии непредоставления ему лекарств в РМН (см. §§ 14 и 115 настоящего Постановления).

Приходя к данным выводам, Европейский Суд ссылается на выводы Центра, подкрепленные медицинскими документами, предоставленными во внутригосударственных судах, и на заключения эксперта, призванного дать оценку терапевтического подхода, примененного в деле Кэмпану (см. §§ 33, 38 и 45 настоящего Постановления), а также на информацию, предоставленную Еврорегиональным центром публичных инициатив относительно общих условий, при которых антиретровирусное лечение оказывалось ВИЧ-инфицированным детям (см. § 128 настоящего Постановления), что делало утверждения Центра убедительными. Ввиду этих факторов Европейский Суд полагает, что утверждения властей Румынии о противоположном являются неубедительными, поскольку они не подкрепляются другими доказательствами, подтверждающими их вне всякого разумного сомнения.

138. Вместе с тем факты дела указывают на то, что, столкнувшись с внезапным изменением

в поведении пациента, который стал гиперагрессивным и возбужденным, врачи решили перевести его в психиатрическое учреждение, а именно РМН, где его поместили в отделение, не имевшее в своем штате психиатров (см. § 21 настоящего Постановления). Как указывалось выше, в то время РМН не имело адекватных возможностей для лечения ВИЧ-инфицированных пациентов. Кроме того, во время нахождения в РМН пациент никогда не осматривался инфекционистом.

Единственное лечение, предоставлявшееся Кэмпеану, включало прием успокаивающих средств и витаминов, а какое-либо существенное медицинское исследование для установления причины психического состояния пациента не проводилось (см. §§ 16 и 22 настоящего Постановления). Фактически власти не предоставили никаких относимых медицинских документов, фиксировавших клиническое состояние Кэмпеану во время нахождения в CMSC и РМН. Информация относительно возможных причин смерти Кэмпеану была также неконкретной: свидетельство о смерти упоминало ВИЧ и умственную отсталость в качестве основных факторов, повлекших его смерть, что предположительно оправдывало решение властей не проводить обязательное вскрытие тела (см. §§ 24 - 25 настоящего Постановления).

139. Европейский Суд ссылается на выводы медицинского заключения, составленного экспертом, которого привлек Центр, характеризующие "очень плохого качества и нестандартные" медицинские документы, относящиеся к состоянию здоровья Кэмпеану (см. § 45 настоящего Постановления). Согласно этому заключению медицинское наблюдение в обоих учреждениях было "скудным", в то время как медицинские органы, столкнувшись с ухудшением состояния здоровья пациента, приняли меры, которые в лучшем случае могли рассматриваться как паллиативные. Эксперт также упомянул, что несколько потенциальных причин смерти, включая пневмоцистную пневмонию (которая также упоминалась в протоколе вскрытия), не исследовались или не диагностировались, не говоря уже о лечении, в CMSC или РМН (там же). В заключении отмечилось, что смерть Кэмпеану в РМН была вызвана "грубой медицинской халатностью" (см. § 46 настоящего Постановления).

140. Европейский Суд напоминает в этом контексте, что при оценке представленных доказательств особое внимание следует уделить уязвимому состоянию Кэмпеану (см. § 7 настоящего Постановления) и тому факту, что в течение всей жизни он находился под контролем властей, которые, таким образом, связаны обязательством отчитаться за его лечение и предоставить убедительные объяснения по поводу такого лечения (см. § 131 настоящего Постановления).

Европейский Суд учитывает, во-первых, что объяснения Центра, описывающие события, повлекшие смерть Кэмпеану, убедительно подкрепляются существованием серьезных недостатков в решениях медицинских органов. Данные недостатки описаны в мотивировке главного прокурора по решению от 23 августа 2005 г. (см. § 33 настоящего Постановления), в решении суда первой инстанции от 3 октября 2007 г., в котором предписано направить дело обратно для дополнительного расследования (см. § 38 настоящего Постановления), и в медицинском заключении, представленном Центром по делу.

Во-вторых, власти Румынии не представили достаточных доказательств, ставящих под сомнение правдивость утверждений, выдвинутых от имени жертвы. В то время как ВИЧ может быть весьма серьезным прогрессирующим заболеванием, Европейский Суд не может игнорировать ясные и согласующиеся выводы, указывающие на серьезные недостатки в процессе принятия решений относительно осуществления надлежащего лечения и ухода за Кэмпеану (см. §§ 137 - 138 настоящего Постановления). Власти Румынии также не заполнили пробелы в

медицинских документах, описывавших состояние Кэмпеану перед его смертью, и отсутствие разумных объяснений относительно реальной причины его смерти.

141. Кроме того, рассматривая индивидуальную ситуацию Кэмпеану в общем контексте, Европейский Суд учитывает, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, в РМН уже фиксировалось несколько десятков смертей (81 - в 2003 году и 28 - в начале 2004 года). Как указывалось в докладе ЕКПП за 2004 год, серьезные недостатки были выявлены в период, относящийся к обстоятельствам дела, относительно питания, предоставляемого пациентам, и в отношении недостаточного отопления и в целом тяжелых условий проживания, которые повлекли постепенное ухудшение состояния здоровья пациентов, особенно наиболее уязвимых (см. § 77 настоящего Постановления). Ужасающие условия в РМН описывались несколькими другими международными органами, как указывалось выше (см. § 78 настоящего Постановления). Таким образом, внутригосударственные власти были полностью информированы о весьма трудной ситуации в больнице.

Несмотря на утверждение властей Румынии о том, что условия проживания в РМН были адекватными (см. § 123 настоящего Постановления), Европейский Суд учитывает, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, внутригосударственные власти признали в различных международных органах недостатки в работе РМН в части отопления и водоснабжения, санитарных условий и оказываемой медицинской помощи (см. § 78 настоящего Постановления).

142. Европейский Суд отмечает, что в [Постановлении](#) Европейского Суда по делу "Ненчева и другие против Болгарии" (упоминавшемся выше) власти Болгарии были признаны нарушающими свои обязательства в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции в связи с непринятием достаточно оперативных действий для обеспечения эффективной и достаточной защиты молодых людей, содержащихся в социальном приюте. Европейский Суд принял во внимание, что смерть детей не являлась внезапным событием, тем более что власти уже признавали ужасающие условия проживания в социальном приюте и увеличение смертности в месяцы, предшествовавшие периоду, относящемуся к обстоятельствам дела (см. там же, §§ 121 - 123).

143. Европейский Суд находит, что точно так же в настоящем деле реакция внутригосударственных властей на в целом трудную ситуацию в РМН в период, относящийся к обстоятельствам дела, была неадекватной, поскольку власти полностью признавали тот факт, что отсутствие отопления и надлежащего питания, нехватка медицинского персонала и ресурсов, включая лекарства, повлекли увеличение количества смертей зимой 2003 года.

Европейский Суд полагает, что при этих обстоятельствах тем более очевидно, что, решая поместить Кэмпеану в РМН, несмотря на его уже повышенное состояние уязвимости, внутригосударственные власти неоправданно поставили его жизнь под угрозу. Длительное уклонение медицинского персонала от оказания Кэмпеану надлежащей помощи и лечения было еще одним решающим фактором, повлекшим его преждевременную смерть.

144. Вышеизложенные соображения позволяют Европейскому Суду заключить, что внутригосударственные власти допустили несоблюдение материально-правовых требований [статьи 2](#) Конвенции, не обеспечив требуемый стандарт защиты жизни Кэмпеану.

(бета) Процессуальный аспект

145. Европейский Суд также констатирует, что власти не только не удовлетворили базовые медицинские потребности Кэмпеану, когда он был жив, но и не выяснили обстоятельства,

сопровождаявшие его смерть, включая установление виновных лиц.

146. Европейский Суд отмечает, что несколько процессуальных нарушений было выявлено в различных докладах внутригосударственных властей, в том числе уклонение от проведения вскрытия сразу после смерти Кэмпеану в нарушение положений законодательства страны, и отсутствие эффективного расследования относительно терапевтического подхода, применяемого в данном деле (см. §§ 33, 38 и 40 настоящего Постановления).

Кроме того, в решении Калафатского суда первой инстанции были констатированы серьезные процессуальные нарушения, включая уклонение от сбора важных медицинских доказательств и предоставления объяснения противоречивых показаний медицинского персонала (см. § 38 настоящего Постановления). Однако поскольку это решение не было поддержано окружным судом, недостатки не были рассмотрены, не говоря уже об их устранении. В своей краткой мотивировке окружной суд ссылаясь в основном на решение медицинской ассоциации и заключение, исключившие медицинскую халатность в настоящем деле, в то же время установив, что пациенту было оказано надлежащее лечение.

Европейский Суд находит эти заключения поразительно краткими с учетом признанной скудости медицинской информации, документирующей лечение Кэмпеану (см. § 45 настоящего Постановления), и объективной ситуации в РМН в отношении человеческих и медицинских ресурсов, доступных больнице (см. §§ 77 - 78 настоящего Постановления).

Европейский Суд также учитывает утверждение Центра о том, что в случае 129 смертей в РМН, описанных в 2002 - 2004 годах, уголовные расследования были прекращены без установления виновных или привлечения их к гражданской или уголовной ответственности за их действия.

147. С учетом вышеизложенных элементов Европейский Суд заключает, что власти не подвергли дело Кэмпеану тщательному контролю, требуемому [статьей 2](#) Конвенции, и потому не провели эффективного расследования обстоятельств, сопровождавших его смерть.

Соответственно, имело место нарушение [статьи 2](#) Конвенции в ее процессуальном аспекте.

(b) [Статья 13](#) Конвенции во взаимосвязи со [статьей 2](#) Конвенции

(i) Общие принципы

148. [Статья 13](#) Конвенции гарантирует доступность на внутригосударственном уровне средства правовой защиты, обеспечивающего сущность конвенционных прав и свобод, независимо от того, в какой форме они закреплены в правовой системе страны.

Таким образом, [статья 13](#) Конвенции требует наличия внутригосударственных средств правовой защиты для рассмотрения по существу "доказуемой жалобы" в соответствии с [Конвенцией](#) и предоставления соответствующего возмещения, хотя государства-участники обладают пределами усмотрения при определении способа реализации конвенционных обязательств, предусмотренных названной [статьей](#) Конвенции.

Объем обязательств по [статье 13](#) Конвенции различается в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с [Конвенцией](#). Тем не менее средство правовой защиты,

предусмотренное [статьей 13](#) Конвенции, должно быть "эффективным" как практически, так и на законодательном уровне. В частности, его реализации не должны необоснованно препятствовать действия или бездействие властей государства-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу "Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства" (Paul and Audrey Edwards v. United Kingdom), жалоба N 46477/99, §§ 96 - 97, ECHR 2002-II).

149. С учетом фундаментального значения права на защиту жизни [статья 13](#) Конвенции требует в дополнение к выплате при необходимости компенсации тщательного и эффективного расследования, которое могло бы повлечь установление и наказание виновных лиц, включая эффективный доступ заявителя к процедуре расследования. Если дело затрагивает предполагаемое уклонение от защиты от действий других лиц, [статья 13](#) Конвенции не всегда может требовать от властей принимать ответственность за расследование утверждений. Однако жертве или семье жертвы должен быть доступен механизм установления ответственности должностных лиц или органов государства за действия или бездействие, влекущие нарушение их конвенционных прав (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Z и другие против Соединенного Королевства", [§ 109](#)).

По мнению Европейского Суда, орган, упоминаемый в [статье 13](#) Конвенции, необязательно должен быть судебным в строгом смысле слова. Тем не менее его полномочия и предоставляемые им гарантии имеют значение при определении того, является ли связанное с ним средство правовой защиты эффективным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Класс и другие против Германии", [§ 67](#)). Европейский Суд отмечал, что судебные средства правовой защиты обеспечивают прочные гарантии независимости, доступ для жертвы и семьи и исполнимость компенсаций в соответствии с требованиями [статьи 13](#) Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Z и другие против Соединенного Королевства", [§ 110](#)).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

150. Как упоминалось выше, [статья 13](#) Конвенции должна толковаться как гарантирующая "эффективное средство правовой защиты в государственном органе" любому, кто утверждает, что его права и свободы, признанные в настоящей [Конвенции](#), нарушены. Фундаментальное требование к данному требованию заключается в том, что жертва должна иметь к нему эффективный доступ.

151. В настоящем деле Европейский Суд уже установил, что уязвимость Кэмпенану, усугубленная уклонением властей от исполнения действующего законодательства и предоставления адекватной правовой поддержки, являлась фактором, подкреплявшим признание в виде исключения право обращения Центра в суд (см. [§ 112](#) настоящего Постановления). Если бы не Центр, дело Кэмпенану никогда не было бы доведено до сведения властей, внутрисударственных или международных.

Однако Европейский Суд отмечает, что инициативы Центра в интересах Кэмпенану более или менее имели характер *suì generis* [<1>](#), а не относились к существующей правовой базе, связанной с правами психически больных лиц, с учетом того факта, что эта база была не подходящей для удовлетворения конкретных нужд таких лиц, особенно что касается практической возможности получения ими доступа к любому возможному средству правовой защиты. Действительно Европейский Суд ранее признавал, что государство-ответчик нарушает [статью 3](#) или [5](#) Конвенции в связи с отсутствием адекватных средств правовой защиты относительно лиц с ограниченными возможностями, включая их ограниченный доступ к любым

потенциальным средствам правовой защиты (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "**С.В. против Румынии**", §§ 65 - 67, "Парасчинети против Румынии", §§ 34 - 38, и "**В. против Румынии**", § 97).

<1> Sui generis (лат.) - особенный или уникальный (примеч. переводчика).

152. На основе доказательств, представленных в настоящем деле, Европейский Суд уже установил, что власти государства-ответчика несут ответственность в соответствии со **статьей 2** Конвенции за уклонение от защиты жизни Кэмпану, пока он находился под опекой медицинских органов страны, и от проведения эффективного расследования обстоятельств, повлекших его смерть. Власти Румынии не ссылались на какую-либо другую процедуру, в то время как ответственность властей могла быть установлена независимым, публичным и эффективным образом.

Европейский Суд также полагает, что примеры, упомянутые властями Румынии в качестве указания на наличие целесообразных средств правовой защиты в соответствии со **статьей 13** Конвенции (см. § 125 настоящего Постановления), являются недостаточными или лишенными эффективности с учетом их ограниченного воздействия и отсутствия предлагаемых ими процессуальных гарантий.

153. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Европейский Суд полагает, что власти государства-ответчика не указали целесообразного механизма, способного обеспечить возмещение лицам с умственной отсталостью, утверждающим, что они являются жертвами в соответствии со **статьей 2** Конвенции.

Конкретно Европейский Суд находит нарушение требований **статьи 13** Конвенции во взаимосвязи со **статьей 2** Конвенции в связи с уклонением властей государства-ответчика от обеспечения и имплементации целесообразной правовой базы, которая позволила бы независимому органу рассмотреть утверждения Кэмпану относительно нарушений его права на жизнь.

(с) Статья 3 Конвенции как таковая и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции

154. Принимая во внимание свои выводы в §§ 140 - 147 и свое заключение в § 153 настоящего Постановления, Европейский Суд полагает, что не возникает отдельного вопроса относительно предполагаемого нарушения **статьи 3** Конвенции как таковой и во взаимосвязи со **статьей 13** Конвенции (см., mutatis mutandis, упоминавшееся выше **Постановление** Европейского Суда по делу "Николова и Величкова против Болгарии", § 78, и Постановление Европейского Суда по делу "Тимус и Тарус против Республики Молдова" (Timus and Tarus v. Republic of Moldova) от 15 октября 2013 г., жалоба N 70077/11, § 58).

II. Иные предполагаемые нарушения Конвенции

155. Центр также утверждал, что в отношении Кэмпану было допущено нарушение прав, защищенных **статьями 5, 8 и 14** Конвенции.

156. Однако с учетом фактов дела, доводов сторон и выводов в соответствии со **статьями 2**

и 13 Конвенции Европейский Суд полагает, что он рассмотрел основные правовые вопросы, затронутые в настоящей жалобе, и что отсутствует необходимость выносить отдельное решение по оставшимся жалобам (см. в числе других примеров [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Камиль Узун против Турции" (Kamil Uzun v. Turkey) от 10 мая 2007 г., жалоба N 37410/97, § 64, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Коллегия правовых консультантов "Арджеш" против Румынии", § 47, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Ассоциация "Женщины на волнах" и другие против Португалии" (Women On Waves and Others v. Portugal) от 3 февраля 2009 г., жалоба N 31276/05, § 47, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Велча и Мазэре против Румынии" (Velcea and Mazăre v. Romania) от 1 декабря 2009 г., жалоба N 64301/01, § 138, Постановление Европейского Суда по делу "Вилла против Италии" (Villa v. Italy) от 20 апреля 2010 г., жалоба N 19675/06, § 55, Постановление Европейского Суда по делу "Ахмет Йилдырым против Турции" (Ahmet Yıldırım v. Turkey), жалоба N 3111/10, § 72, ECHR 2012, и Постановление Европейского Суда по делу "Мехмет Хатип Дикле против Турции" (Mehmet Hatip Dicle v. Turkey) от 15 октября 2013 г., жалоба N 9858/04, § 41, а также упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Варнава и другие против Турции", §§ 210 - 211).

III. Применение статей 46 И 41 Конвенции

А. Статья 46 Конвенции

157. В соответствующих частях [статья 46](#) Конвенции предусматривает следующее:

"1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением..."

158. Европейский Суд напоминает, что в силу [статьи 46](#) Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Европейского Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами, под надзором Комитета министров. Отсюда следует, в частности, что постановление, которым Европейский Суд устанавливает нарушение [Конвенции](#) или Протоколов к ней, возлагает на государство-ответчика правовое обязательство не только выплатить суммы, присужденные в порядке справедливой компенсации, но также выбрать под надзором Комитета министров общие и/или, если необходимо, индивидуальные меры в рамках национальной правовой системы для того, чтобы устранить нарушение, установленное Европейским Судом, и возместить, насколько возможно, его последствия (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Скоццари и Джунта против Италии" (Scozzari and Giunta v. Italy), жалобы N 39221/98 и 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII, и [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Станев против Болгарии" (Stanev v. Bulgaria), жалоба N 36760/06, § 254, ECHR 2012). Европейский Суд также учитывает, что именно государство должно избрать под надзором Комитета министров средства для использования во внутригосударственном правопорядке, которые позволили бы исполнить его правовое обязательство, вытекающее из [статьи 46](#) Конвенции (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Скоццари и Джунта против Италии", [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брумэреску против Румынии" (Brumărescu v. Romania) (справедливая компенсация), жалоба N 28342/95, § 20, ECHR 2001-I).

159. Однако с целью содействия государству-ответчику в исполнении его обязательств в соответствии со [статьей 46](#) Конвенции Европейский Суд может прибегнуть к указанию мер индивидуального и/или общего характера, которые могут быть приняты для устранения ситуации, которую он признал существующей (см. в числе многих других примеров [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Влад и другие против Румынии" (Vlad and Others v. Romania) от 26 ноября 2013 г., жалобы N 40756/06, 41508/07 и 50806/07, § 162).

160. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что вследствие уклонения властей от назначения опекуна или иного представителя никакая форма представительства не была доступна для защиты Кэмпану или заявлений от его имени администрации больницы, судам Румынии или Европейскому Суду (см. [§ 111](#) настоящего Постановления). При исключительных обстоятельствах, которые вынудили его позволить Центру действовать от имени Кэмпану (см. вывод в [§ 112](#) настоящего Постановления), Европейский Суд также установил нарушение требований [статьи 13](#) Конвенции во взаимосвязи со [статьей 2](#) Конвенции в части уклонения государства от обеспечения и имплементации необходимой правовой базы, которая позволила бы независимому органу рассмотреть утверждения Кэмпану относительно нарушений его права на жизнь (см. [§§ 150 - 153](#) настоящего Постановления, см. также [§ 154](#) в отношении жалобы в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции как таковой и во взаимосвязи со [статьей 13](#) Конвенции). Следовательно, факты и обстоятельства, в отношении которых Европейский Суд установил нарушения требований [статей 2 и 13](#) Конвенции, свидетельствуют о наличии более широкой проблемы, требующей от него указания мер общего характера для исполнения настоящего Постановления.

161. При таких обстоятельствах Европейский Суд рекомендует, чтобы власти государства-ответчика приняли необходимые меры общего характера, обеспечивающие лицам с умственной отсталостью, находящимся в положении, сопоставимом с положением Кэмпану, независимое представительство, позволяющее судам или иным независимым органам рассматривать жалобы этих лиц на основании [Конвенции](#), связанные с их состоянием здоровья и лечением (см., *mutatis mutandis*, [§ 113](#) настоящего Постановления, и упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Станев против Болгарии", § 258).

В. Статья 41 Конвенции

162. [Статья 41](#) Конвенции гласит:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение [Конвенции](#) или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

1. Ущерб

163. Центр не выдвинул требований о компенсации материального ущерба или морального вреда.

2. Судебные расходы и издержки

164. Центр требовал выплаты 11 455 евро 25 центов в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во внутригосударственных судах в отношении расследований

в РМН и Европейском Суде. "Интерайтс", действовавший в качестве советника консультанта Центра, требовал выплаты 25 800 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в Палате Европейского Суда, что соответствовало 215 часам работы, и дополнительно 14 564 евро относительно разбирательства в Большой Палате Европейского Суда, что соответствовало 111 часам работы. Европейскому Суду была предоставлена в подробной разбивке смета данных издержек.

165. Власти Румынии утверждали, что не все судебные расходы и издержки задокументированы и подробно изложены и что в любом случае они были избыточными.

166. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле Европейский Суд признает, что привлечение Центром "Интерайтс" к участию в разбирательству, как изложено выше, было оправданным (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Яша против Турции" (*Yaşa v. Turkey*) от 2 сентября 1998 г., § 127, Reports of Judgments and Decisions 1998-VI, и Постановление Европейского Суда по делу "Ментеш и другие против Турции" (*Menteş and Others v. Turkey*) от 28 ноября 1997 г., § 107, Reports 1997-VIII). В настоящем деле с учетом предоставленных документов, количества и сложности рассмотренных вопросов факта и права и вышеизложенных критериев Европейский Суд считает разумным присудить 10 000 евро Центру и 25 000 евро "Интерайтс".

3. Процентная ставка при просрочке платежей

167. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД:

1) объявил единогласно жалобы на нарушение [статей 2, 3 и 13](#) Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу;

2) постановил единогласно, что имело место нарушение [статьи 2](#) Конвенции в ее материально-правовом и процессуальном аспектах;

3) постановил единогласно, что имело место нарушение [статьи 13](#) Конвенции во взаимосвязи со [статьей 2](#) Конвенции.

4) постановил 14 голосами "за" при трех - "против", что не является необходимым отдельное рассмотрение жалобы на нарушение [статьи 3](#) Конвенции как таковой или во взаимосвязи со [статьей 13](#) Конвенции;

5) постановил единогласно, что отсутствует необходимость в рассмотрении приемлемости или существа жалобы на основании [статей 5 и 8](#) Конвенции;

6) постановил 15 голосами "за" при двух - "против", что отсутствует необходимость в рассмотрении приемлемости или существа жалобы на основании [статьи 14](#) Конвенции;

7) постановил единогласно, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу выплатить следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты, а также любой налог, подлежащий начислению:

(i) 10 000 евро (десять тысяч евро) Центру;

(ii) 25 000 евро (двадцать пять тысяч евро) "Интерайтс";

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

8) отклонил единогласно оставшуюся часть требований о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 17 июля 2014 г.

Председатель Большой Палаты
ДИН ШПИЛЬМАНН

Заместитель Секретаря Суда
МАЙКЛ О'БОЙЛ

В соответствии с [пунктом 2 статьи 45](#) Конвенции и [пунктом 2 правила 74](#) Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) совпадающее особое [мнение](#) судьи Паулу Пинту де Альбукерке;

(b) частично несовпадающее особое [мнение](#) судей Дина Шпильманна, Леди Бианку и Ангелики Нуссбергер;

(c) частично несовпадающее особое [мнение](#) судей Инеты Зиемеле и Леди Бианку.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

1. Дело Валентина Кэмпеану [<1>](#) является печально известным делом судейского законотворчества. Кроме того, в дополнение к фундаментальному вопросу о законности такого способа осуществления судебной власти постановление большинства судей также затрагивает решающий вопрос о методе мотивировки, использованной для установления выводов по делу и объема этих выводов. В конце концов Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) сталкивается с этими вопросами: могут ли судьи создавать право? И если могут, как они должны действовать и в каких пределах? Не ожидая решения проблем подобного масштаба в

ограниченных пределах особого мнения, я чувствую, тем не менее, что обязан объяснить свое голосование за позицию большинства судей в совпадающем особом мнении, в котором к этим проблемам можно хотя бы приблизиться. По-видимому, настоящее дело является случаем, включающим простую процессуальную проблему правового представительства, и оно могло бы стать основополагающим делом, в котором Европейский Суд рассмотрел бы в новых и твердых выражениях взаимодействие между правовыми принципами и нормами в задаче толкования правозащитных договоров и пределы собственной правовой креативности. К сожалению, ни того, ни другого не произошло.

<1> Здесь и далее текст выделен курсивом/подчеркнут авторами особых мнений (примеч. редактора).

2. Кэмпанеу скончался в возрасте 18 лет в нейropsихиатрической больнице Пояна-Маре. Он отличался тяжелой умственной отсталостью, являлся ВИЧ-положительным подростком цыганской национальности, который в определенный период страдал от туберкулеза легких, пневмонии и хронического гепатита. Он не имел родственников, опекунов или представителей, был брошен при рождении и проживал в разных публичных детских домах, центрах для детей-инвалидов и медицинских учреждениях, где он предположительно не получал надлежащих медицинских и образовательных услуг. Поскольку эти факты достаточно доказаны и выявили *ad nauseam* <1> явное нарушение прав умершего молодого человека, единственный видимый вопрос, требующий определения в данном деле, заключался в праве Общественной организации "Центр правовых ресурсов" (далее - Центр) действовать от его имени в Европейском Суде. Как подчеркнул Комиссар по правам человека, невыносимая правовая брешь в защите прав человека возникла в данной ситуации ввиду пожизненного состояния крайней уязвимости Кэмпанеу, отсутствия любых родственников, опекунов или представителей и несклонности властей государства-ответчика расследовать его смерть и привлечь виновных к ответственности. Эта правовая черная дыра, где крайне уязвимые жертвы серьезных нарушений прав человека, совершенных публичными должностными лицами, могут застрять на всю оставшуюся жизнь в отсутствие возможного способа осуществления их прав, требовала принципиального ответа со стороны Европейского Суда. К сожалению, ничего подобного не произошло.

<1> *Ad nauseam* (лат.) - до отвращения (примеч. переводчика).

Конкретная мотивировка Европейского Суда

3. Мое несогласие заключается в том факте, что большинство судей предпочли подойти к данному правовому вопросу казуистическим и ограниченным образом, игнорируя необходимость твердого заявления по принципиальному вопросу, а именно требования представительства в международном праве прав человека. Постановление просто снизошло до акта потворства со стороны Европейского Суда, который захотел закрыть глаза на строгость требований концепции правового представительства в соответствии с Европейской [конвенцией](#) о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) и [Регламентом](#) Суда при "исключительных обстоятельствах данного дела" (см. §§ 112 и 160 настоящего Постановления) и признать Центр в качестве "фактического представителя Кэмпанеу" (см. § 114 настоящего Постановления). Говоря словами судьи Бонелло, это еще один пример "лоскутной прецедентной практики", к которой Европейский Суд порой прибегает, когда сталкивается с принципиальными

вопросами <2>.

<2> См. особое мнение судьи Бонелло в [Постановлении](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства" (Al-Skeini and Others v. United Kingdom), жалоба N 55721/07, ECHR 2011. Я уже имел возможность привлечь внимание к этому несчастному методу мотивировки и проблемам, которые он вызывает, в моем особом мнении, приложенном к [Постановлению](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Фабри против Франции" (Fabris v. France), жалоба N 16574/08, ECHR 2013, и к [Постановлению](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ди Соуза Рибейру против Франции" (De Souza Ribeiro v. France), жалоба N 22689/07, ECHR 2012.

4. Вопреки утверждению, сделанному в [§ 110](#) настоящего Постановления, я считаю тот факт, что внутригосударственные суды и иные публичные органы признали Центр имеющим право выступать от имени жертвы, не имеющим значения. Иначе это сделало бы подотчетность за нарушение прав человека зависимой от фактического признания заявителя теми же учреждениями, которые могут нести ответственность за нарушение. Также не имеет значения тесная связь, установленная в последнем предложении [§ 111](#) Постановления между характером жалобы (на нарушение [статьи 2](#) Конвенции) и правом Центра действовать от имени жертвы. Эта предполагаемая связь причиняет ущерб жалобам, основанным исключительно или кумулятивно на [статьях 3 - 5](#) Конвенции, и, таким образом, относится к ситуациям, в которых крайне уязвимое лицо подверглось пытке, жестокому обращению, рабству или незаконному содержанию под стражей и не имеет возможности осуществлять свое право на доступ к суду. Кроме того, в отношении дел по [статье 2](#) Конвенции я не согласен с утверждением о том, что заявитель должен быть привлечен в качестве представителя до смерти предполагаемого потерпевшего. В данном деле безусловно является фикцией предполагать, что Центр был "привлечен в качестве представителя" в день смерти Кэмпеану (см. [§ 111](#) настоящего Постановления). Единственным действием, предпринятым Центром, было уведомление об ужасном положении Кэмпеану и предложение управляющему больницей перевести его в другое учреждение, и это похвальное, но ограниченное действие Центра не может квалифицироваться как "правовое представительство" для целей внутригосударственного законодательства или [Конвенции](#). Откладывая фикции, Европейский Суд не должен рассматривать вопрос о том, интервьюировал ли заявитель предполагаемую жертву прав человека или даже видел ли он ее живой, поскольку это делало бы жалобу зависимой от случайных фактов, которые не находились во власти заявителя.

5. Еще важнее то, что мотивировка большинства судей является логически противоречивой сама по себе. С одной стороны, они подтверждают, что данное дело является "исключительным" (см. [§ 112](#) настоящего Постановления), но, с другой стороны, они считают, что это дело раскрывает "наличие более широкой проблемы, требующей от [Европейского Суда] указания мер общего характера для исполнения настоящего Постановления" (см. [§ 160](#) настоящего Постановления). Если дело раскрывает более широкую проблему, оно не является исключительным. В конце концов большинство признает, что это не является исключительным делом, но такое признание допущено только с целью возложения на власти государства-ответчика позитивного обязательства. Данный способ действий, основанный на двойных стандартах, не является приемлемым. Не может быть приемлемо, что один и тот же набор фактов является исключительным для цели определения сферы полномочий Европейского Суда и условий приемлемости жалоб исходя из того, что этот набор не является исключительным и даже "раскрывает более широкую проблему для цели возложения позитивных обязательств на власти государства-ответчика".

6. В итоге большинство судей выдвинули один действительно истинный довод в поддержку приемлемости жалобы Центра как представителя умершего подростка, поданной в Европейский Суд после его смерти в отсутствие какой-либо доверенности. Данный довод является чисто консеквенциалистским: "Иное означало бы воспрепятствование рассмотрению на международном уровне таких серьезных утверждений о нарушении **Конвенции**..." (см. § 112 настоящего Постановления). В связи с этим большинство судей признали организацию-заявительницу "представительницей" жертвы, поскольку они хотели рассмотреть предполагаемое нарушение, а отклонение жалобы помешало бы им сделать это. Подобное самоаутентизирующее утверждение привносит вопрос. Такая строго оппортунистическая и утилитарная просеивающая дела методология не может, на мой взгляд, быть достаточной. Слова, которые следуют в аргументе, являются еще менее удачными: "...с угрозой того, что власти государства-ответчика могут избежать конвенционной ответственности". Высказывая цель обеспечения того, что власти государства-ответчика должны быть подотчетны, что вновь подчеркивается в следующем предложении того же параграфа, большинство судей предполагают, что выбор дела для рассмотрения, в конце концов, определяется необходимостью наказать власти государства-ответчика, признав нарушение, и последующего применения мер по устранению общего характера. В более простых выражениях эта линия аргументации ставит телегу впереди лошади.

7. Наконец, подчеркивая "исключительный" характер дела, большинство судей, к сожалению, закрыли дверь перед каким-либо будущим расширением данного вывода относительно положения лица с умственной отсталостью, чтобы охватить другие жертвы нарушений прав человека, таких как престарелые или члены меньшинств или группы, подвергнутые дискриминации, которые могут не иметь доступа к правосудию в собственных странах. Причина вполне очевидна: исключительные выводы не могут быть распространены на другие ситуации. О чем я наиболее сильно сожалею, это тот факт, что, подходя к данному делу на основе "исключительных обстоятельств", большинство судей фактически согласились с тем, что **Конвенция** не является живым инструментом и не должна приспосабливаться к новым обстоятельствам, когда может быть востребована концепция представительства de facto. Кроме того, подразумеваемое утверждение о том, что каждое дело - это sui generis, является подрывным в международном праве, действительно в каждой отрасли права, поскольку оно часто ведет, как показывает опыт, к дискреционному пониманию юстиции, определяемому неправовыми, то есть политическими, социальными или чисто эмоциональными, соображениями со стороны тех, кто занимается отсеиванием дел. Вклад суда определяется не внутренним существом требования, а имеющейся в виду стратегической продукцией. Это приближает меня к сердцевине дела.

Альтернативная принципиальная мотивировка

8. Вместо того, чтобы ссылаться на "исключительные обстоятельства" дела и основывать предполагаемое правовое решение на мотивировке по каждому делу, я предпочел бы возвыситься над особенностями дела и рассмотреть принципиальный вопрос, выдвинутый делом: каковы контуры концепции представительства крайне уязвимых лиц в Европейском Суде?

Мне представляется, что на данный вопрос можно и необходимо отвечать на основе общего принципа равенства перед законом, примененного в соответствии с традиционными инструментами международного права прав человека. Я ссылаюсь на теорию толкования правозащитных договоров способом, который не только обеспечивает их effet utile (ut res magis valeat quam pereat) <1>, но и является наиболее защищающим права и свободы, которые они воплощают enshrine <2>. Обе эти теории толкования явно применимы к условиям приемлемости

жалоб [<3>](#).

<1> См. Постановление Европейского Суда по делу "Эйри против Ирландии" (Airey v. Ireland) от 9 октября 1979 г., [§ 24](#), Series A, N 32, и в общем международном праве в числе многих других отсылок, дело о маяках между Францией и Грецией (Lighthouses Case between France and Greece), решение N 22 (1934), PCIJ, Series A/B, N 62, p. 27, территориальный спор (Ливийская арабская джамахирия/Чад) (Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)), решение, ICJ Reports 1994, p. 21, спор между Аргентиной и Чили по поводу канала Бигл (Dispute between Argentina and Chile concerning the Beagle Channel) (1977)21 RIAA 231.

<2> Европейский Суд установил данный принцип в Постановлении Европейского Суда по делу "Вемхофф против Германии" (Wemhoff v. Germany) от 27 июня 1968 г., p. 23, [§ 8](#), Series A, N 7. Межамериканский суд по правам человека сделал то же в консультативном заключении от 13 ноября 1985 г. N OC-5/85 "Обязательно членство в ассоциации, предусмотренное законом о журналистской деятельности" (Compulsory Membership in an Association prescribed by Law for the Practice of Journalism) ([статьи 13 и 29](#) Американской конвенции о правах человека), [§ 52](#), Series A, N 5, и решении от 2 февраля 2001 г. "Баэна Рикардо и другие против Панамы" (Baena Ricardo and Others v. Panama) (существо, компенсация и издержки), [§ 189](#), Series C, N 72. Следовательно, отсутствует презюмирующее правило in dubio mitius, что правозащитные договоры должны толковаться таким образом, чтобы свести к минимуму посягательство на государственный суверенитет.

<3> См. Решение Комиссии по правам человека по делу "S.P., D.P., A.T. против Соединенного Королевства" (S.P., D.P., A.T. v. United Kingdom) от 20 мая 1996 г., жалоба N 23715/94, не опубликовано; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ильхан против Турции" (Ilhan v. Turkey), жалоба N 22277/93, [§ 55](#), ECHR 2000-VII, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Y.F. против Турции" (Y.F. v. Turkey), жалоба N 24209/94, [§ 29](#), ECHR 2003-IX.

9. Принцип равенства проходит красной нитью через всю европейскую систему защиты прав человека, и это особенно проявляется в [статье 14](#) Конвенции и [статье 1](#) Протокола N 12 к Конвенции, а также в [статье 20](#) и [статье E части V](#) пересмотренной Европейской социальной хартии, [статьях 4, 6\(2\) и 9](#) Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, [статье 3](#) Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми, [статье 2\(1\)](#) Конвенции Совета Европы о доступе к официальным документам и [статьях 3 - 5](#) Дополнительного протокола к Конвенции о киберпреступности [<4>](#). Применяемый в свете толковательных теорий, упомянутый выше, принцип равенства мог заполнить правовую брешь, упомянутую мной ранее, путем предоставления принципиальной базы для расширения пределов концепции представительства для целей [Конвенции](#). Столкнувшись с ситуацией, в которой внутригосударственные власти игнорируют судьбу предполагаемого потерпевшего от нарушений прав человека, который не может обратиться в Европейский Суд своими средствами или через родственника, опекуна или представителя, Европейский Суд должен истолковать условия приемлемости жалоб в широчайшем возможном смысле с целью обеспечить, чтобы право доступа жертвы к европейской системе защиты прав человека было эффективным. Только подобное толкование [статьи 34](#) Конвенции включает внутреннюю фактическую ситуацию крайне уязвимых лиц, которые являются или являлись жертвами нарушений прав человека и лишены правового представительства [<1>](#). Любое иное толкование, которое приравнило бы положение крайне уязвимых лиц к другим жертвам нарушений прав человека, фактически повлекло бы

дискриминационное обращение с первыми <2>. С различными ситуациями следует обращаться по-разному <3>. Так, право доступа к суду для крайне уязвимых лиц требует позитивной дискриминации в пользу этих лиц по оценке требований к их представительству в Европейском Суде <4>.

<4> Достойно упоминания, что Европейский Суд применил [статью 14](#) Конвенции к основаниям дискриминации, прямо не упомянутым в этом положении, таким как сексуальная ориентация (см. Постановление Европейского Суда по делу "Салгейру да Силва Моута против Португалии" (Salgueiro da Silva Mouta v. Portugal), жалоба N 33290/96, ECHR 1999-IX), к лицам с психическими расстройствами или физическими недостатками (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Глор против Швейцарии" (Glor v. Switzerland), жалоба N 13444/04, § 53, ECHR 2009). Последнее [Постановление](#) особенно важно ввиду того факта, что оно прямо ссылалось на [Конвенцию](#) ООН по правам инвалидов (CRPD) как основу "существования европейского и всемирного консенсуса о необходимости защиты лиц с ограниченными возможностями от дискриминационного обращения", несмотря на тот факт, что соответствующие события имели место до принятия [Конвенции](#) ООН по правам инвалидов Генеральной Ассамблеей, и независимо от того факта, что государство-ответчик его не подписало. В двух случаях Европейский Суд ссылался на [Конвенцию](#) ООН по правам инвалидов, даже хотя соответствующие события имели место до ее подписания властями государства-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу "Алайош Кишш против Венгрии" (Alajos Kiss v. Hungary) от 20 мая 2010 г., жалоба N 38832/06, § 44 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. N 5 (примеч. редактора)), и Постановление Европейского Суда по делу "Ясинскис против Латвии" (Jasinskis v. Latvia) от 21 декабря 2010 г., жалоба N 45744/08, § 40 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. N 8 (примеч. редактора)).

<1> Хотя "совершенно иная" фактическая ситуация Кэмпану была признана самим Европейским Судом в [§ 108](#) Постановления, но он не сделал правовых выводов из этого признания.

<2> Приравнивание различных ситуаций может составлять "косвенную дискриминацию", которая имеет место, когда положение, критерий или практика ставит лиц с характеристиками, связанными с запрещенным основанием, в положение особого неудобства, сравнимого с другими лицами. Различные грани принципа равенства и конвенционное обязательство распространять неблагоприятные положения на дискриминируемых лиц см. в моем особом мнении к [Постановлению](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Валлианатос и другие против Греции" (Vallianatos and Others v. Greece), жалобы N 29381/09 и 32684/09, ECHR 2013.

<3> О противоположной или позитивной дискриминации в пользу меньшинств и уязвимых лиц, которые не имеют доступа к базовым публичным благам, таким как образование и юстиция, как основном требовании справедливости, см.: Dworkin. Taking Rights Seriously, 1977. P. 223 - 240; A Matter of Principle, 1986. P. 293 - 333; [Freedom's Law: The Moral Reading of the American Constitution](#), 1996. P. 26 - 29; [Law's Empire](#), 1998. P. 386 - 397; Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality, 2001. P. 409 - 426.

<4> См. "Дело, "касающееся определенных аспектов законодательства об использовании языков в сфере образования в Бельгии" против Бельгии" (существо жалобы) (Case "relating to certain aspects of the laws on the use of languages in education in Belgium"), p. 34, § 10, Постановление от 23 июля 1968 г., p. 34, [§ 10](#), Series A, N 6): "определенные правовые

неравенства направлены лишь на устранение фактических неравенств". Таким образом, обязанность государства в уравнивании фактических неравенств и уделению особого внимания наиболее уязвимым лицам следуют непосредственно из [Конвенции](#). В рамках европейской базы см. [пункт 3 статьи 15](#) пересмотренной Европейской социальной хартии, [Рекомендацию](#) N Rec(2006)5 Комитета министров государствам - членам Совета Европы о плане действий Совета Европы по содействию правам и полному участию лиц с ограниченными возможностями в обществе: улучшение качества жизни людей с ограниченными возможностями в Европе в 2006-2015 годах, и особенно линию действий N 12 о правовой защите, со ссылкой на цель (i): "обеспечить равный доступ к правосудию для лиц с ограниченными возможностями на равной основе по сравнению с другими членами общества", - и конкретное действие со стороны государств-членов (iv): "поощрять неправительственные сети адвокатов, защищающие права человека и людей с ограниченными возможностями"; [Рекомендацию](#) N 1592(2003) Парламентской Ассамблеи "К полноценной социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями"; [Рекомендацию](#) N R(99)4 Комитета министров к государствам-членам о принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых; Handbook on European non-discrimination, 2010. P. 78, совместно представленный Европейским Судом и Агентством Европейского союза по фундаментальным правам; Access to justice in Europe: an overview of challenges and opportunities, 2011. P. 37 - 54; Европейская сеть органов равенства, Influencing the law through legal proceedings - The powers and practices of equality bodies, 2010. P. 6; [Рекомендацию](#) об общей политике Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (ECRI) N 7 от 13 декабря 2002 г., § 25. В общем контексте см. также [статью 13](#) Конвенции о правах инвалидов, которая возлагает обязанность "облегчать" доступ и участие инвалидов в правосудии, и замечание общего порядка Комитета о правах инвалидов N 1(2014), CRPD/C/GC/1, 19 мая 2014 г., §§ 24 - 31 и 34, об обязанностях государства, вытекающих из [Конвенции](#) ООН, в частности, обязанности оказывать поддержку при осуществлении дееспособности.

10. Предложенная принципиальная конструкция [Конвенции](#) подкрепляется буквальным толкованием последнего предложения [статьи 34](#) Конвенции. Крайне уязвимые лица, которым препятствовали каким-либо образом, то есть действиями или бездействием властей государства-ответчика, в осуществлении этого права, должны получить альтернативные средства доступа к Европейскому Суду. Настоящее дело по сути является прекрасным примером продолжающегося бездействия властей государства-ответчика, которые не предоставили какого-либо вида правового представительства или опеки Кэмпеану при его жизни, и поскольку имелось доказуемое требование против государства относительно медицинских и образовательных услуг, которые он получил, что действительно воспрепятствовало осуществлению его конвенционных и внутригосударственных прав [<1>](#).

[<1>](#) В известном смысле принцип добросовестного исполнения договоров ([статья 31](#) Венской конвенции о праве международных договоров) также применим, поскольку государство-ответчик не может признать собственную ошибку. Но сам данный принцип не может решить процессуальный вопрос, выдвинутый в настоящем деле, который требует не только дифференциации положения крайне уязвимых лиц, но также меры позитивной дискриминации, которая может обеспечить им доступ к праву, которого они лишены. Лишь принцип равенства в его позитивной грани может зайти так далеко.

11. На основании предложенного принципиального толкования [Конвенции](#) Европейскому Суду следовало установить концепцию фактического представительства в делах с участием крайне уязвимых жертв, которые не имели родственников, опекунов или представителей. Эти два

кумулятивных условия, а именно крайняя уязвимость предполагаемого потерпевшего и отсутствие любых родственников, опекунов или представителей должны были быть ясно изложены Европейским Судом <2>. Крайняя уязвимость лица является широкой концепцией, которая должна включать для вышеупомянутых целей лиц молодого возраста или престарелых людей, тяжело больных или инвалидов, лиц, принадлежащих к меньшинствам, или группы, подвергающиеся дискриминации по признаку расы, национальности, пола, сексуальной ориентации или по любому другому основанию. Отсутствие родственников, опекунов или представителей является дополнительным условием, которое должно быть оценено в соответствии с фактами, известными властям в период, относящийся к обстоятельствам дела. Имеет значение тот факт, что жертва не имела известных близких родственников, и компетентный орган не назначил представителя или опекуна с целью позаботиться о ее интересах <3>. Эти два условия создали бы правовую определенность Договаривающимся Сторонам Конвенции и руководство для любых заинтересованных учреждений и лиц, которые могли в будущем подать жалобы от имени крайне уязвимых жертв нарушений прав человека. Не предоставив ясные и общие критерии и связав свой вывод с "исключительными обстоятельствами" дела, настоящее Постановление Европейского Суда не только ослабляет авторитет своей мотивировки и ограничивает пределы своих выводов и их толковательную ценность, но предоставляет меньше руководства или не предоставляет вообще всем государствам-сторонам и заинтересованным сторонам, которые могли захотеть вмешаться в интересах беспомощных, уязвимых жертв нарушений прав человека. Вместо распространения преимуществ своей работы на такое большое количество лиц, насколько это возможно, Европейский Суд ограничивает сферу своей работы лишь пределами настоящего дела.

<2> Подобный подход был правомерно предложен Европейскому Суду Комиссаром по правам человека Совета Европы в его объяснениях Большой Палате Европейского Суда (14 октября 2011 г., § 39).

<3> Это условие прямо сформулировано в правиле 96(b), последняя часть, Регламента Комитета ООН по правам человека.

12. Судейское право неизбежно в международном праве и особенно в международном праве прав человека ввиду присущей неопределенности правовой терминологии и высокого потенциала конфликтов между нормами в этой сфере права, которая внутренне связана с основами человеческой жизни в обществе <4>. Янусовидный характер толкования международных правозащитных текстов, как устраняющих и обращенных в прошлое, с одной стороны, так и содействующих и обращенных в будущее, с другой стороны, дополнительно стимулирует судей становиться "субсидиарными законодателями" (Ersatzgesetzgeber). Однако содействующая роль международных судов, которая направлена, в конечном счете, на продвижение прав человека через национальные юрисдикции под их надзором, ограничена обязанностью судьи быть "верным" существующему договорному праву и особенно правовым принципам, на которых оно основано <1>. В Конвенции данными принципами являются "принципы права, признанные цивилизованными странами", на которые сделана прямая ссылка в статье 7 Конвенции. Данные принципы постулированы в законодательствах европейских и неевропейских народов в любой момент <2>. Только такие правовые принципы могут представлять твердую основу для толковательной работы международного судьи и ограничения ее пределов. Только они могут предоставить интерсубъектно контролируемый переход между буквой договора и "прецедентным правом", когда конкретные правила не являются применимыми <3>. Только они могут помогать судье в его задачах оптимизации

конфликтующих прав и свобод <4>, различении дел одного от другого и преодолении прецедента <5>. Предпочитая чувствительную к фактам мотивировку, основанную на "исключительных обстоятельствах данного дела", и не проявляя большую конгруэнтность к принципам, воплощенным в **Конвенции**, с практической точки зрения Европейский Суд экспоненциально увеличивает влияние элемента неумения субъективности в судебном процессе, и, делая это, он насаждает тот самый судейский активизм, который, по-видимому, стремится ограничить. При отсутствии твердых принципиальных оснований судейское право является не чем иным, как замаскированным политическим решением в эпифеноменальной форме самоисполнимого пророчества, основанного на личной предрасположенности судьи <6>.

<4> Данный момент не является подходящим, чтобы занимать позицию в споре о предполагаемом несуществовании общего метода толкования договора и предполагаемом методологическом различии между толкованием международного права прав человека и другой ветви международного права, или между контрактными и законотворческими договорами. Поверхностно я бы добавил в этом пункте, что я отхожу от традиционной позиции о существовании "обобщенных режимов" в международном праве (см., например, дело парохода "Уимблдон" (Case of the SS Wimbledon) (1923), PCIJ, Series A, N 1, p. 15, и дело относительно дипломатического и консульского персонала США в Тегеране (Case Concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran), решение, ICJ Reports 1980, p. 40). Без ущерба для догматов системного толкования договора я не думаю, что могут быть установлены жесткие границы между международным правом прав человека и другим международным правом (см., например, недавнюю практику ICJ по делу "Ахмаду Садио Диалло (Республика Гвинея против Демократической Республики Конго) (Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea) v. Democratic Republic of the Congo)), существо, решение, ICJ Reports 2010, p. 662 - 673), и поэтому я предполагаю, что те же толковательные методы могут применяться в обеих сферах международного права. Одним из практических следствий этого предложения является то, что я выступаю за взаимное опыление инструментов "мягкого права" и прецедентной практики международных судов и надзорных органов. Международные суды не являются изолированными "маленькими империями", как указали судьи Пеллонпя и Братцы в своем совпадающем особом мнении, приложенном к **Постановлению** Большой Палаты Европейского Суда по делу "Аль-Адсани против Соединенного Королевства" (Al-Adsani v. United Kingdom), жалоба N 35763/97, ECHR 2001-XI.

<1> В деле "Дела Юго-Западной Африки (Эфиопия против Южной Африки; Либерия против Южной Африки) (South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa)), вторая фаза, решение от 18 июля 1966 г., ICJ Reports 1966, p. 6, ICJ указал, что он "может принимать моральные принципы только в той степени, в какой они достаточно выражены в правовой форме". О текстуальной верности или *Gesetztreu* как пределе судебного законотворчества см.: Esser. **Vorverständnis und Methodenwahl in der Rechtsfindung. Rationalitätsgrundlagen** richterlicher Entscheidungspraxis, 1970. P. 196 - 199, 283 - 289; Kriele, *Recht, Vernunft, Wirklichkeit*, 1990. P. 519 - 538; Dworkin. *Justice in Robes*, 2006. P. 118 - 138.

<2> См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Демир и Байкара против Турции" (Demir and Baykara v. Turkey), жалоба N 34503/97, § 71, ECHR 2008. По сути на пленарной сессии Консультативной Ассамблеи 7 сентября 1949 г. (см.: *Travaux Préparatoires*, References to the notion of the general principles of law recognised by civilised nations (CDH(74)37)), Тетжен указал: "организованная международная защита должна иметь в качестве своей цели

обеспечение того, чтобы внутригосударственное законодательство о гарантированных свободах соответствовало фундаментальным принципам права, признанным цивилизованными странами. Каковы эти принципы? Они изложены во многих доктринальных трудах и практике, которые их подкрепляют. Это принципы и правовые нормы, которые, будучи сформулированными и санкционированными внутригосударственным законодательством всех цивилизованных стран в любой момент, могут, таким образом, рассматриваться как составляющие принцип общего права, применимый во всем международном сообществе".

<3> Если это верно для внутригосударственных судов, тем более это верно для международных судов в свете подпункта "с" пункта 1 статьи 38 Устава Международного суда правосудия, [преамбулы](#) к Венской конвенции о праве международных договоров и [принципов](#) УНИДРУА международных коммерческих договоров. О принципах как "нормоисточниках" см., в частности: Pellet. Annotation of Article 38; Kolb. The Statute of the International Court of Justice: A Commentary, 2006. P. 766 - 773, 794 - 805; Thirlway. The Law and Procedure of the International Court of Justice: fifty years of jurisprudence, vol. I, 2013. P. 232 - 246; vol. II, 2013. P. 1201 - 1205; Larenz and Canaris. Methodenlehre der Rechtswissenschaft, 1995. P. 240 - 241.

<4> О таких принципах, как Optimierungsgebote во внутригосударственном законодательстве, см., например: Alexy and Koch in: Alexy et al. Elemente einer juristischen Begründungslehre, 2003. P. 217 - 298; Alexy. A Theory of Constitutional Rights, 2009. P. 401, 405; Ducoulombier. Les conflits de droits fondamentaux devant la Cour européenne des droits de l'Homme, 2011. P. 564 - 567.

<5> См.: Alexy. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification, 2009. P. 279, 285.

<6> Самый эмблематический сторонник этого рабочего метода, судья Холмс (Holmes), утверждал, что принципы не разрешают дела. Право, по его мнению, это то, что считают им суды при разрешении дел и определении впоследствии мотивировки решения. Его голос не был одинок. В своей автобиографии судья Дуглас (Douglas) ссылается на то, что главный судья Хьюс (Hughes) однажды сказал ему: "судья Дуглас, вы должны помнить одну вещь. На конституционном уровне, где мы работаем, 90% решений являются эмоциональными. Рациональная часть нас дает мотивы для подкрепления наших предубеждений". По этой причине судья Франкфуртер (Frankfurter) говорил: "Конституция - это Верховный суд". Всему этому Роулс (Rawls) дал знаменитый отпор: "Конституция - это не то, что называет ею суд" (Political Liberalism, 1993. P. 237).

Решение Европейского Суда как акт auctoritas

13. Я начал со ссылки на процессуальную проблему, поднятую настоящим делом. Добавил бы, что это была проблема, выдвинутая на поверхности, поскольку ниже поверхности перед Европейским Судом лежит намного большая проблема, а именно как он видит свои полномочия по разрешению дел и влияние его постановлений и решений на развитие международного права и углубление защиты прав человека в Европе, как предусматривает ее [Преамбула](#) к Конвенции. Европейский Суд может предвидеть ее одним из двух способов, как акт auctoritas или акт potestas.

Auctoritas осуществляется путем мотивирования, интеллектуального акта, который направлен на убеждение адресатов постановлений и решений Европейского Суда и намного более широкую аудиторию правового сообщества и общества в целом. Он дает законность за

счет внутренней силы принципов, на которых основаны эти постановления и решения, связности и убедительности выводов, сделанных из этих принципов для данного дела <1>. В настоящем деле принимающие решение, то есть судьи Европейского Суда, руководствуются сложным набором критериев практической рациональности с целью взвешивания того, какое из предположений, выдвинутых сторонами, является наиболее связным <2>.

<1> Принципы являются "отправными пунктами" для отсеивания дел и оформления прецедентной нормы на основе "всеобщей связанной рациональностью концепцией правовой рациональности" (Esser. **Vorverständnis** und Methodenwahl. Op. cit. P. 212; Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts: Rechtsvergleichende **Beiträge** zur Rechtsquellen- und Interpretationslehre, 1990. P. 183 - 186). Таким образом, судебное решение рассматривает вопросы принципа, а не вопросы компромисса и стратегии, разрешенные согласно доводам политической политики, общего благополучия или публичного интереса (Dworkin. **Freedom's** Law. Op. cit. P. 83; A Matter of Principle. Op. cit. P. 11). В этом контексте публикация особых мнений играет важную роль в избежании фикции единодушия, которая в действительности происходит из переговоров, которые приносят наилучшее возможное решение в жертву нижайшему общему знаменателю (Kriele. Theorie der Rechtsgewinnung entwickelt am Problem der Verfassungsinterpretation, 1976. P. 309).

<2> Не вступая в спор по поводу применимости общих критериев дискурсивной связности, стоит упомянуть фундаментальный труд Alexy и Peczenik, которые перечислили следующие 10 критериев, путем ссылки на которые дискурсивная связность может быть оценена: (1) количество поддерживающих отношений, (2) длительность поддерживающих цепочек, (3) сила поддержки, (4) связь между поддерживающими цепочками, (5) приоритетные порядки между аргументами, (6) взаимное обоснование, (7) общность, (8) концептуальные пересечения, (9) количество дел, которые охватывает теория, (10) разнообразие сфер жизни, к которым теория применима (Alexy and Peczenik. The Concept of Coherence and Its Significance for Discursive Rationality in: Ratio Juris, 1990. P. 130 - 147). Одним из базовых критериев, сформулированных автором, было то, что "при обосновании высказывания можно поддержать его как можно более длинной цепочкой мотивов". Фактически использование правовых принципов предполагает особое бремя аргументации и оправдания, возложенное на судью (см.: Larenz and Canaris. Methodenlehre. Op. cit. P. 247; Bydlinski. **Grundzüge** der juristischen Methodenlehre, 2005. P. 72; Progl. Der Prinzipienbegriff: Seine Bedeutung **für** die juristische Argumentation und seine Verwendung in den Urteilen des Bundesgerichtshofes **für** Zivilsachen, 2001. P. 132).

Potestas осуществляется за счет решения, волевого акта, легитимность которого заключается во власти, которую признают за принимающим решение как должностующим принять решение в соответствии с процедурой. В данном деле, руководствуясь прагматической оценкой последствий его решения, принимающий решение вынуждается действовать, когда преимущества хода действия перевешивают их неудобства <3>.

<3> См.: Esser. Grundsatz und Norm. Op. cit. P. 235 - 241; Dworkin. Taking Rights Seriously. Op. cit. P. 22 - 28, 90 - 100, 273 - 278; Justice in Robes. Op. cit. P. 80 - 81, 248 - 250, - о двух различных типах аргументации, основанных на принципиальных аргументах и доводах

утилитарной или идеальной политики.

14. Европейский Суд очевидно должен осуществлять власть в пределах **Конвенции**, и законность его постановлений и решений зависит от формального соблюдения условий приемлемости и процедуры, заложенной в **Конвенции**. Исполняя свои задачи в соответствии с **Конвенцией**, Европейский Суд должен принимать во внимание, но не быть обусловлен, последствиями его постановлений и решений, не только для участвующих сторон, а для всех Договаривающихся Сторон **Конвенции** <4>. В этом отношении постановления и решения Европейского Суда являются актами potestas. Но Европейский Суд должен также стремиться предоставить авторитетные правовые высказывания, основанные на внутренней силе принципов, воплощенных в **Конвенции** и развитых в собственной прецедентной практике Европейского Суда в свете "общих принципов, признанных цивилизованными странами". Именно за счет принципиальной мотивировки судебные высказывания являются нормативными, и только будучи нормативными, они могут быть полностью понятными и исполненными <1>. По существу постановления и решения Европейского Суда являются актами auctoritas, которые должны избегать ложного переупрощения фактических и правовых проблем, которые выдвинуты делом, и сопротивляться легкому соблазну удобных упущений. Такой auctoritas может быть осуществлен, лишь когда судья сторонится одностороннего выбора национальной и международной прецедентной практики и не закрывает глаза на труды фундаментальной науки, уместные для обсуждения рассматриваемого дела <2>. Самое важное, что последовательность и связность решений Европейского Суда не могут быть обеспечены, если судья избегает дефиниционных вопросов, оставляя правоведам порой крайне трудное осуществление внесения упорядочения в хаотический образчик несопоставимых правовых высказываний <3>. Иначе направление прецедентной практики Европейского Суда будет опираться на оппортунистический, выборочный список дел, отобранных и рассмотренных в соответствии с непредсказуемым мерным шестом, который может меняться в зависимости от мощи государства-ответчика и печальной известности предполагаемого потерпевшего, участвующего в споре. Иначе внутригосударственные суды будут входить в сильный соблазн пренебрегать или даже нарочно презирать свою обязанность имплементировать прецедентную практику Европейского Суда, когда они сталкиваются с постановлениями и решениями, основанными на неясных, кратких формулировках, которых они не понимают. Иначе отсутствие ясности и наставлений в постановлениях и решениях Европейского Суда обусловит все новые и новые жалобы, топя Европейский Суд в порочном круге основанной на делах практики, возрастающем количестве жалоб и дискреционном отказе от дел. Иначе Европейский Суд переместится к политикам, а именно к Комитету министров, к квинтэссенции судебных задач установления стандартов и предоставления общих средств правовой защиты.

<4> Рассмотрение последствий в правовой мотивировке следует не только из финальной структуры правовых норм, как продемонстрировал Esser в его *Vorverständnis und Methodenwahl*, упоминавшемся выше, p. 143, но в более общем виде из использования таких аргументов, как ad absurdum, и таких максим, как summum ius summa iniuria, как Perelman разъяснил в *Logique juridique. Nouvelle rhétorique*, 1979, pp. 87 - 96, и, как Deckert изложила в своем перечне из 23 аргументов, выведенных из последствий, в *Folgenorientierung in der Rechtsanwendung*, 1995. P. 252.

<1> "Нормативное" использовано здесь в смысле "универсализируемого", как, например, см.: Kaufmann. *Das Verfahren der Rechtsgewinnung. Eine rationale Analyse*, 1999. P. 85;

MacCormick. Rhetoric and The Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning, 2005. P. 148 - 149.

<2> Как Виттенштайн (Wittgenstein) указал в *Philosophische Untersuchungen*, 1953, Part I, § 593, одной из основных причин интеллектуальной ошибки является "односторонняя диета" (einseitige *Diät*), при которой мысль питается только одним видом примера. Эта "прагматическая ошибка" (pragmatische Fehler) является частой в правовой мотивировке (F. Haft. *Juristische Rhetorik*, 2009. P. 149).

<3> В данном пункте является полезным вспомнить слова Кардозо (Cardozo) об уклонении судов от изложения полного определения статьи надлежащего процесса: "Вопрос заключается в том, как долго мы должны быть удовлетворены рядом заключений *ad hoc*. Намечать линии - это очень хорошо, но должно наступить время, когда мы должны благоразумно посмотреть на них и увидеть, составляют ли они рисунок или мешанину кусочков и очажков" (Selected Writings, 1947. P. 311).

15. Давление цифр не должно восприниматься как решающий фактор при выборе между двумя упомянутыми подходами. Растущая потребность в реагировании Европейского Суда на нарушения прав человека по всей Европе привносит дополнительную ответственность учреждению, но не освобождает Европейский Суд от всех их конвенционных обязательств, включая вытекающие из наиболее насущных положений [статьи 45 <4>](#) Конвенции. Правосудие не может быть принесено на алтарь своевременности. Именно во время роста достаточно ясная мотивировка является наиболее востребованной не только для всех окончательных решений и постановлений Европейского Суда на уровне Комитета, Палаты и Большой Палаты (акты), но и при отсеивании (поступления) дел судьей единолично и комитетом Большой Палаты. Минималистская форма мотивировки лишь ослабляет доверие к Европейскому Суду. Отсутствие мотивировки вообще еще хуже. Оно просто убивает все доверие к Европейскому Суду как к защитнику процессуальной справедливости и умаляет его текущие усилия по преодолению многих проблем, с которыми он сталкивается [<1>](#).

<4> Данная [статья](#) обязывает мотивировать акты Европейского Суда и разрешает представлять особые мнения, что, вероятно, и является наиболее насущным положением для автора, представляющим особые мнения, если не согласен с судебным актом, но особенно если согласен (примеч. переводчика).

<1> См.: "Мария Крус Ачабал Пуэртас против Испании" (Maria Cruz Achabal Puertas v. Spain), United Nations Human Rights Committee, от 18 июня 2013 г., сообщение N 1945/2010, где автор была информирована о том, что Комитет Европейского Суда в составе трех судей решил признать ее жалобу неприемлемой, поскольку не усмотрел "признаков нарушения прав и свобод, гарантированных [Конвенцией](#) или Протоколов к ней", но Комитет по правам человека заключил, что "ограниченная мотивировка, содержащаяся в кратких выражениях письма Европейского Суда не позволила Комитету Европейского Суда заключить, что рассмотрение включало достаточное рассмотрение по существу", и поэтому отсутствовали препятствия для рассмотрения сообщения в соответствии с [подпунктом "а" пункта 2 статьи 5](#) Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, и нашел, что представленные ему факты раскрывали нарушение [статьи 7](#) Пакта как таковой и во взаимосвязи с [пунктом 3 статьи 2](#) Пакта. Материалы, предоставленные Европейскому Суду автором, сходны с представленными в Комитет по правам человека. Европейский Суд не может, как он часто делает, требовать от внутригосударственных судов указывать с достаточной ясностью основания, на которых они

основывают свое решение, в то же время не живя в соответствии с этими стандартами. Можно читать послание Комитета по правам человека как предполагающее, что пределы сдержанности по отношению к неприемлемой политике судебного прагматизма достигнуты, как однажды указал Шварценбергер (Schwarzenberger. International Law as applied by International Courts and Tribunals, v. IV, 1986, p. 627).

Заключение

16. После основного аргумента организации-заявительницы о том, что "публичный интерес требует решения по существу данного дела" <2>, большинство судей последовали утилитарной максиме *salus publica suprema lex est* <3> и приняли возможность, предоставленную этим делом, для возложения позитивных общих обязательств на государство-ответчика в отношении "лиц с умственной отсталостью, находящихся в положении, сопоставимом с положением Кэмпбелл" (см. § 161 настоящего Постановления). Я не согласен с этим методологическим подходом. Для того, чтобы данное дело не было проповедью искривления права в связи с исключительными индивидуальными трудностями и, следовательно, бесплатного осуществления судебской креативности и реконструкции договорных обязательств, Европейский Суд должен рассмотреть дело на основе правовых принципов, а именно принципа равенства перед законом. Если мы не можем вводить себя в заблуждение мечтами об уникально корректных правовых ответах на сложные дела, мы должны по меньшей мере предположить, что осуществление очистки от принципа равенства, которое твердо запечатлено в **Конвенции** и европейской правозащитной системе, правило "фактического представительства" в Европейском Суде должно избегать строго консеквенциалистского применения **Конвенции**.

<2> См. страницу 8 объяснений Центра Большой Палате Европейского Суда от 3 июня 2013 г.

<3> *Salus publica suprema lex est* (лат.) - благо народа - высший закон (примеч. редактора).

Методология отсеивания и оценки дел Европейским Судом должна быть выше подозрений в произволе. Такое впечатление может предать замечательную 60-летнюю историю этого авторитетного учреждения и умалять усилия многих поколений преданных судей, юристов и лингвистов следованию идеалам строительства панъевропейского стандарта прав человека. Настоящее дело является хорошим примером того, как Европейский Суд иногда достигает правильных результатов неубедительными неловкими средствами. Некоторые методы его работы должны измениться, чтобы достигать правильных результатов праведными средствами. Правовые принципы могут давать адекватные инструменты для этой задачи, поскольку суд должен, говоря словами Роналда Дворкина, быть привилегированным форумом правовых принципов <4>.

<4> Dworkin. A Matter of Principle, 1986. P. 33.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ДИНА ШПИЛЬМАНА, ЛЕДИ БИАНКУ И АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР

Мы проголосовали против вывода большинства судей о том, что не является необходимым отдельно рассматривать жалобу на нарушение [статьи 3](#) Конвенции как таковой или во взаимосвязи со [статьей 13](#) Конвенции.

Во-первых, мы считаем, что вывод в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции не охватывает нарушение [статьи 3](#) Конвенции в деле Кэмпану. Как свидетельствуют факты дела, Кэмпану признали ВИЧ-положительным лицом, когда ему было пять лет, позднее у него была диагностирована "тяжелая умственная отсталость" (см. [§ 7](#) настоящего Постановления) и развились туберкулез легких, пневмония и хронический гепатит. Из фактов дела ясно, что конкретная ситуация Кэмпану не встречала адекватного реагирования или лечения со стороны части компетентных органов. На этой основе большинство судей правомерно установили нарушение [статьи 2](#) Конвенции. В то время как мы согласны с таким заключением, мы не согласны, что обособленные вопросы в части [статьи 3](#) Конвенции не возникают. Мы придерживаемся мнения о том, что власти Румынии должны были принять конкретные меры, чтобы защитить Кэмпану от страданий, связанных с его состоянием, о которых власти были прекрасно осведомлены (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Z и другие против Соединенного Королевства" (Z and Others v. United Kingdom), жалоба N 29392/95, [§ 73](#), ECHR 2001-V). Смерть Кэмпану стала следствием длительного периода, в течение которого реакция властей на эту ситуацию была недостаточной и неадекватной в это время он, очевидно, столкнулся с нарушением его материальных прав, гарантированных [статьей 3](#) Конвенции, не получая целесообразной медицинской помощи и даже питания и приюта в медицинских центрах, где он содержался. "Психическая и физическая деградация" Кэмпану при поступлении в центр медико-социальной помощи Четате-Долж (см. [§ 14](#) настоящего Постановления) или когда его посетили сотрудники Центра правовых ресурсов в нейрорехабилитационной больнице Пояна-Маре (см. [§ 23](#) настоящего Постановления), являлись свидетельством длительных периодов пренебрежения на основе полного отсутствия сострадания.

Таким образом, данное дело следует отличать от тех дел, в которых смерть или угрозы для жизни заявителей были прямой и непосредственной угрозой применения силы и в которых Европейский Суд не установил отдельной проблемы в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции с учетом вывода о нарушении [статьи 2](#) Конвенции (см., например, [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Николова и Величкова против Болгарии" (Nikolova and Velichkova v. Bulgaria) от 20 декабря 2007 г., жалоба N 7888/03, и Постановление Европейского Суда "Шчиборщ и Кузмина против Российской Федерации" (Shchiborshch and Kuzmina v. Russia) от 16 января 2014 г., жалоба N 5269/08).

Установление отдельного нарушения [статьи 3](#) Конвенции может также послужить продвижению защиты в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции по подобным делам. Если на протяжении длительного периода позитивные обязательства в соответствии со [статьей 3](#) Конвенции не исполняются властями либо ими не оказывается целесообразная помощь наиболее уязвимым группам лиц, то в таком случае может быть слишком поздно предпринимать какие-либо действия для спасения жизни этих лиц и, таким образом, для исполнения обязательств властей в соответствии со [статьей 2](#) Конвенции.

Во-вторых, мы находим достойным сожаления, что Европейский Суд упустил возможность дополнительно прояснить вопрос права обращения неправительственной организации в связи с жалобой на основании [статьи 3](#) Конвенции. Главный вопрос в настоящем деле заключается в

определении пределов защиты интересов наиболее уязвимых лиц в Европейском Суде неправительственными организациями, действующими от их имени, но без обязательного установления "тесной связи" или "личного интереса", требуемого прецедентной практикой Европейского Суда. Ситуация по поводу жалоб на нарушение [статьи 2](#) Конвенции фундаментально отличается от жалоб на нарушение [статьи 3](#) Конвенции в этом отношении. Жалобы, подаваемые на нарушение [статьи 2](#) Конвенции, основанные на смерти жертвы, не могут быть поданы в Европейский Суд самими жертвами, что неверно в отношении жалоб на нарушение [статьи 3](#) Конвенции. Это один из аспектов, освещенных большинством в их выводе относительно права обращения заявителя (см. [§ 112](#) настоящего Постановления). По нашему мнению, отдельный анализ жалобы на нарушение [статьи 3](#) Конвенции позволил бы Европейскому Суду также выработать ясность по связанным вопросам в отношении [статьи 3](#) Конвенции.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ИНЕТЫ ЗИЕМЕЛЕ И ЛЕДИ БИАНКУ

1. К сожалению, мы проголосовали против вывода большинства судей о том, что не является необходимым отдельно рассматривать жалобу на нарушение [статьи 14](#) Конвенции во взаимосвязи со [статьей 2](#) Конвенции в данном деле.

2. Обращаясь к обстоятельствам дела, мы поражены ситуацией Кэмпеану. Он родился в сентябре 1985 года, был цыганом. Его отец неизвестен, и он был оставлен матерью при рождении, в пятилетнем возрасте у него был диагностирован ВИЧ, а позднее - тяжелая умственная отсталость и другие острые медицинские проблемы. Было бы трудно найти другое рассмотренное Европейским Судом дело, в котором уязвимость заявителя основана на столь многих факторах, охватываемых [статьей 14](#) Конвенции. По нашему мнению, только одно из этих оснований было бы достаточным для того, чтобы потребовать от внутригосударственных властей уделить особое внимание к ситуации Кэмпеану. Факты дела, которые указаны в настоящем Постановлении, ясно указывают, что меры, принятые властями, были совершенно неадекватны при рассмотрении обстоятельств Кэмпеану.

3. Довольно тревожно, что только через две недели после того, как Кэмпеану исполнилось 18 лет, Должский окружной комитет защиты детей в отсутствие какой-либо индивидуальной оценки его крайне особенной ситуации предположил, что он более не подлежит опеке государства, поскольку он не получал образование в какой-либо форме. Этого было достаточно, чтобы заключить, что его ситуация была сочтена той же, что и у другого сироты, достигшего 18 лет при нормальном состоянии здоровья и способности заботиться о себе. Путаница, которая последовала при определении надлежащего учреждения, пригодного для состояния Кэмпеану, является признаком отсутствия понимания и беспечного подхода к особым нуждам Кэмпеану (см. [§§ 8 - 22](#) настоящего Постановления). Кроме того, и, по нашему мнению, это является решающим для анализа в соответствии со [статьей 14](#) Конвенции, представляется, что персонал нейропсихиатрической больницы Пояна-Маре отказался помогать Кэмпеану предположительно из-за страха того, что они могут заразиться ВИЧ.

4. С учетом вышеизложенного и особого характера обязательств государства в отношении инвалидов (см. в числе других примеров Постановление Европейского Суда по делу "Ясинскис

против Латвии" (Jasinskis v. Latvia) от 21 декабря 2010 г., жалоба N 45744/08 <1>, и Постановление Европейского Суда по делу "Киютин против Российской Федерации" (Kiyutin v. Russia), жалоба N 2700/10 <2>, ECHR 2011) мы придерживаемся мнения о том, что в деле Кэмпену, лица, которое находилось в крайне уязвимом положении и полностью зависело от государственных учреждений, имело место нарушение [статьи 14](#) Конвенции во взаимосвязи со [статьей 2](#) Конвенции.

<1> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. N 8 (примеч. редактора).

<2> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. N 12 (примеч. редактора).
